

ISSN 2588-0438 (print)

Российская Академия Наук

Комиссия по социальным
и культурным проблемам
глобализации

Научный совет «История
мировой культуры» при
Президиуме Российской
Академии Наук

ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия

Бюллетень Комиссии по социальным и культурным
проблемам глобализации. Специальный выпуск.

Агентство перемен / Transformation Agency

ПРОЕКТ «ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ
ТРАНЗИТ И ПОСТКОЛОНИАЛЬНОСТЬ»

“THE TRANSIT OF CIVILIZATION &
POSTCOLONIALITY” PROJECT

(2024–2025)

ИНТЕЛПРОС –
Интеллектуальная Россия

Москва 2025

**Научный совет РАН «История мировой культуры»
Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации**

**Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации
Специальный выпуск**

Александр Неклесса

АГЕНТСТВО ПЕРЕМЕН

Постколониальность в проблемном поле
цивилизационного транзита

**ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия
МОСКВА 2025**

УДК 008

Неклесса А. И. Агентство перемен. Постколониальность в проблемном поле цивилизационного транзита. – ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. Специальный выпуск (2-е изд., исп. и доп.). – М.: ИНТЕЛПРОС. 2025. – 48 с.

Научное издание (тип издания: брошюра). Рецензенты: д.и.н. В.И. Белов, д.и.н. И.В. Следзевский.

Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. Отв. ред. Е.В. Хомутова. Серия Д (приложение) – доклады руководителя Комиссии.

Бюллетень публикуется Комиссией по социальным и культурным проблемам глобализации (проект Комиссии 2024-2025 «Цивилизационный транзит и постколониальность») совместно с Центром цивилизационных и региональных исследований ФГБУН ИАФР РАН (НИР Центра 2025–2029 гг. «Направления и перспективы цивилизационного развития Африки в условиях изменяющегося миропорядка») в партнерстве с журналом «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия».

Утвержден к печати решением Комиссии от 23.01.2025, Центра от 29.01.2025.

Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации учреждена в октябре 2002 года (постановление Президиума РАН № 285 от 8.10.2002).

Бюллетень Комиссии издается с 2004 года (доклады с 2001 года) в печатном и электронном виде, содержание которых может не совпадать.

Электронная версия бюллетеня представлена на сайте ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия <http://intelros.ru>.

Свидетельство о регистрации СМИ (журнал «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия») Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ №77–18303 от 14.09.2004.

Бюллетень (рабочие тетради) Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН издаются в печатном и электронном виде в рамках исследовательской программы «Цивилизационные альтернативы мирового развития» (реализуемой совместно с Группой «Север-Юг» и Центром цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН при поддержке экспертно-образовательного объединения «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия» и клуба «Красная площадь») для ознакомления членов Комиссии, а также Отделения общественных наук и Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН (по списку). Бюллетень издается ограниченным тиражом и носит некоммерческий характер. Распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License, позволяющей использовать, распространять и воспроизводить материалы на любом носителе при условии, что оригинал процитирован с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна присутствовать ссылка на данную публикацию, а также информация об авторском праве и лицензии. Отдельные материалы, воспроизводимые в бюллетене и защищенные иным образом, могут потребовать дополнительного согласования.

Специальный выпуск бюллетеня Комиссии посвящен постколониальности – одной из «больших проблем» наших дней. Изменчивая колониальность продолжает существовать в современном мире как проблема и как явление. Феномен постколонии рассматривается как специфический тип государственности, нередко отягощенной процессом автоколониализации. А уходящую в прошлое борьбу за политический суверенитет дополняет и замещает практика второго, глубинного этапа деколонизации: социальной, культурной, психологической, развивающейся в русле борьбы за гражданское достоинство и универсальную эмансипацию. Параллельно образуются диаспоры и номадические сообщества различного толка, не укладывающиеся в прокрустово ложе национальной государственности или географической локализации. Преодолевая природную, социальную, моральную угнетенность, постколониальность декларирует устремленность к трансграничному миру, опорная характеристика которого – распределенное множество «столичных» терминалов и коммуникационных узлов, а определяющая – склонная к эмпатии суверенная личность.

Агентство перемен © Александр Неклесса, 2025.

Оформление © ИНТЕЛПРОС, 2025.

Фото на 1-й странице обложки © Елизавета Неклесса, 2014.

При оформлении 2-й и 3-й страниц обложки использованы работы Альбера Робида (1848–1926).

Карты на с. 16 взяты из Википедии с учетом содержащейся в ней инструкции и указанием данных.

АГЕНТСТВО ПЕРЕМЕН

Постколониальность в проблемном поле цивилизационного транзита

*История – это наука о настоящем и будущем,
на которые мы смотрим сквозь призму прошлого.*

А. Дж. Тойнби

Агентство¹ перемен (*transformation agency*) – способность человека и человечества к результативному действию: производству целенаправленных перемен и саморазвитию. Это умение конструктивно управлять событиями, эффективно противостоять пароксизмам деструкции, общественной аномии, персональной фрустрации, преодолевая отрицательную эволюцию² – гиперадаптацию как подчинение жизни и ментальности господству обстоятельств и прочим конъюнктурным воздействиям (*smart, deep & wide decolonization*³), реализуя свой путь к дальним горизонтам.

Содержание истории – путь антропологической популяции, ее маршрут к высокоорганизованному обществу, хотя траектория движения далеко не всегда совпадает с замыслом и целеполаганием. Сегодня человечество живет на тектоническом разломе эпох – современный строй уходит в прошлое. Диапазон оценок происходящего широк, смысл невнятен, но мир полон предчувствий новизны. Раздвигая границы истории, мы приближаемся к социальному и когнитивному перевороту. Будущее представляется противоречивым и хаотичным, однако это не стохастический, а динамический хаос⁴, неспособность воспринять его потоковую связность отражает, скорее, несовершенство человеческого сознания и ограничения социальной ментальности. Люди реорганизуют, обобщают, упорядочивают сумятицу подвижных линий горизонта [Attali 1990], преобразуя хаос в космос. Но одновременно растет область соприкосновения с неизвестностью, коварство ее интерпретаций, которое проявляется трещинами в корпусе конвенционального знания. Востребованным, однако, оказывается именно критический взгляд на происходящее – опознание, осознание и признание того, что порой существенно противоречит сложившимся представлениям и доминирующим ожиданиям.

Привычный миропорядок становится достоянием прошлого, люди преобразуют его, переустраивая институты, модифицируя процедуры. И трансформируют их в нечто иное, создавая более сложную композицию. Параллельно меняется миропонимание, подвергаются сомнению смыслы и ценности современной цивилизации. Версии инакости, отрицая прошлое, конкурируют в борьбе за воплощение и, атакуя обыденность, отвергают прежние конвенции, предоставляя шанс, если не проявить

¹ *Агентство, агентность, агентивность* (англ. *agency*) – социологическая категория, определяющая способность к действию, умение выступать в качестве самостоятельного агента, делать осознанный, свободный выбор и достигать поставленные цели (Fuchs, S. *Agency (and intention)*. – The Blackwell Encyclopedia of Sociology. Oxford: Blackwell Publishing, 2009. Pp. 60-62).

² *Отрицательная (негативная) эволюция* – последовательное развитие отрицательных свойств системы.

³ *SDW Decolonization* – мастерски аранжированная и инструментально обеспеченная, глубинная и широкая деколонизация.

⁴ *Динамический хаос* – явление в теории динамических систем, при котором поведение нелинейной системы представляется случайным, несмотря на то, что определяется суммой закономерностей.

«настающее настоящее» (Вадим Цымбурский), то по крайней мере серьезно задуматься над природой грядущего. Социальная мысль стремится постичь механику и координаты перемен, наблюдая становление постсовременного габитуса⁵: плаценты, в которой формируется плоть будущей эпохи и ментальность ее обитателей.

В восходящих потоках истории мелькают путевые станции ускоряющейся эволюции: терминалы, узлы (*hubs & knots*)⁶ проактивных взаимодействий. При расширении антропологического космоса, изменении его демографической размерности, этно-расового и конфессионального балансов складывается многочисленное, активное, «не имеющее отечества» номадическое сообщество⁷, не укладывающееся в прокрустово ложе географической локализации и национальной государственности. По мере продвижения к мозаичному консенсусу сквозь буруны у барьерного рифа – турбулентного рубежа постсовременности, укрепляются солидарные позиции деколонизирующего Современность интегрального космополитизма.

Цель работы – анализ некоторых, но существенных аспектов этой универсальной трансформации: социокультурных, политических, эпистемологических. Причем основное внимание обращено на то, что рамочным понятием для многих процессов и эксцессов на территориях как Глобального Юга, так и Мирового Севера становится зонтичная категория *постколониальность*. Растет ее значение как одного из «больших вызовов» наших дней, важного идейного ориентира социальных движений, а также междисциплинарного направления исследований. Постколониальная проблематика опознается во все более широком круге явлений, становясь элементом той силы, которая воздействует на формулу и траекторию происходящего переворота не только в региональном ракурсе былого «третьего мира», но и в планетарном измерении. Бывший колониальный мир и его обитатели, осваивая результаты суверенизации, реализуют оригинальные, подчас весьма специфические модели модернизации, различным образом сочетающие компоненты традиционного общества с современным строем, совершая переход в новое для себя состояние, утверждая и расширяя присутствие в мировом сообществе.

Методологической основой исследования является теория сложных систем. Образующая человеческой популяцией универсальная организация («мироустройство», «мировой порядок», «мир-система», «цивилизация» и т.п.) рассматривается в этой антропологической космологии как сложная динамическая композиция, чья развивающаяся во времени и пространстве эволюция, будучи эмерджентной по своей природе, периодически переживает состояния хаотизации, образуя затем новые порядки

⁵ *Габитус* – система практических стереотипов, аккумулированных обществом посредством привычек, навыков, опыта, возведенных затем в организационный принцип оценки, восприятия и действий в социуме (подробнее см [Бурдые 1998: 44–59]).

⁶ «Определяющую роль в этих комплексных моделях играет социальная гравитация и функциональная связность интенсивно резонирующих притягательных локальностей, куда стекаются профессиональные и предприимчивые антропологические ресурсы – интеллектуальный и кадровый капитал человечества. Последний по времени рейтинг городов с позиций инновационной экономики (креативного статуса) подразделяет их на 5 кластеров: (1) сплетения; (2) хабы; (3) узлы; (4) продвинутые; (5) стартапы. <> Тут прежде всего важен сам подход – ориентация на точки роста <...> это еще одна версия возможной композиции наступающего нас будущего» [Неклесса 2020: 158–159].

⁷ *Номадическая культура* – культура кочевников, для которой характерны высокая степень взаимодействия с другими культурами. В отличие от оседлых цивилизаций, номадизм экстравертивен, то есть в значительной степени обращена вовне. Номадическая культура стала феноменологическим основанием концепта номадологии, предложенного Жилем Делёзом и Феликсом Гваттари: видения мира как взаимодействия линейных («древовидных») и нелинейных («ризоморфных») сред.

общежития. Три релевантные времени концепта являются предметом особого внимания, отражая, по крайней мере отчасти, ландшафт и лейтмотив происходящего на планете: «цивилизационный транзит», «эпистемологический поворот» и «постколониальность».

Цивилизационный транзит

Человек обитает, как минимум, в двух вселенных – природной и социальной, что налагает на него физические и иные ограничения, но вместе с тем предоставляет определенные возможности, предполагая развитие и усложнение пространства действия, динамику мысли и обретение дополнительных степени свободы.

Антропологический универсум не стационарен, как и расширяющаяся вселенная, он также склонен к экспансии и реорганизации. Люди – генераторы истории, их рефлексия, креативность, проактивность рождает перемены, удерживая при этом тот или иной уровень власти над периодически вскипающей магмой – природными и социальными катаклизмами, реализуя контроль и препятствуя срывам. Однако при утрате связи с *Zeitgeist* управляющие структуры костенеют и, покрываясь этатистским коростой, омертвляют живую среду. Левиафану, чтобы сохранить организующую социум *smart power*, приходится сублимировать властные аффекты и не просто периодически сбрасывать кожу, но существенно трансформировать собственную морфологию, чтобы, перерождаясь, подобно Фениксу продлевать историческую уместность.

Большие явления, сложные процессы и предметные поля – такие как природный космос, антропологическое сообщество, сам человек и его психея, сознание, когнитивный багаж (*sciences & studies*), развиваясь, претерпевают кризисы, фазовые переходы, инициации (*rites of passage*) [Неклесса 2013]. Траектории футур-истории, не будучи связаны анизотропностью физического времени, щедро эксплуатируют богатство спутанных хронотопов. Человеческая популяция, судя по всему, имеет эволюционное целеполагание – маршрут, сюжет и судьба которого зависят от перманентно генерируемых смыслов, имманентно присущего людям чувства гармонии и склонности к воплощению ее динамической архитектуры, что предполагает восхождение от одного «агрегатного состояния» к другому, более сложному (рис. № 1) [Неклесса 1993: 54; Глобальное сообщество... 2000: 217; Неклесса 2018: 88]. Цивилизационный транзит – подвижное, проблемное состояние динамической системы с неопределенной перспективой (не исключая вероятность полной деструкции), поскольку конкурируют конфликтующие замыслы, антагонистичные тенденции, выражающие несовпадающие устремления. *Modus vivendi* и *modus operandi* новой эпохи состояются с рецидивами (постфигурациями) прежней практики и конъюнктурными адаптациями нынешней, ажитированной экзистенциальной природой кризиса.

Осмысляя жизнь и быт в древних поселениях, историю потестарных и полисных структур, легендарные повествования об экспансии имперских гигантов, переходя затем к летописным сводам о сюзеренной суверенности, бунтующем баронстве, сельских и городских взаимоотношениях, потом к Гоббсу, а от него к Локку, Современности и далее, заглядывая во тьму будущего века (анамнез – диагноз – прогноз), мы можем предположить, что человечество приближается к масштабной трансформации. По мере переоценки прежних ценностных оснований и модификации институциональных настроек, то есть продвижения в состояние «пост» (будущее), социальное время ускоряется, а количество проблемных ситуаций растет. «Человек – одинокий в своей подавленности и зависимости от структур и институтов субъект – все же в состоянии восстановить однажды утраченный в этом современном мире антропоцентричный порядок вещей» [Петренко 2003: 408]. Что-то существенное меняется в житейском океане с его

приливами и отливами эмансипации, демократизации, деколонизации, десегрегации как следствие высвобождения людей от прессинга сословной уязвимости, груза невежества, социальной придавленности, культурного доминирования и природного угнетения.

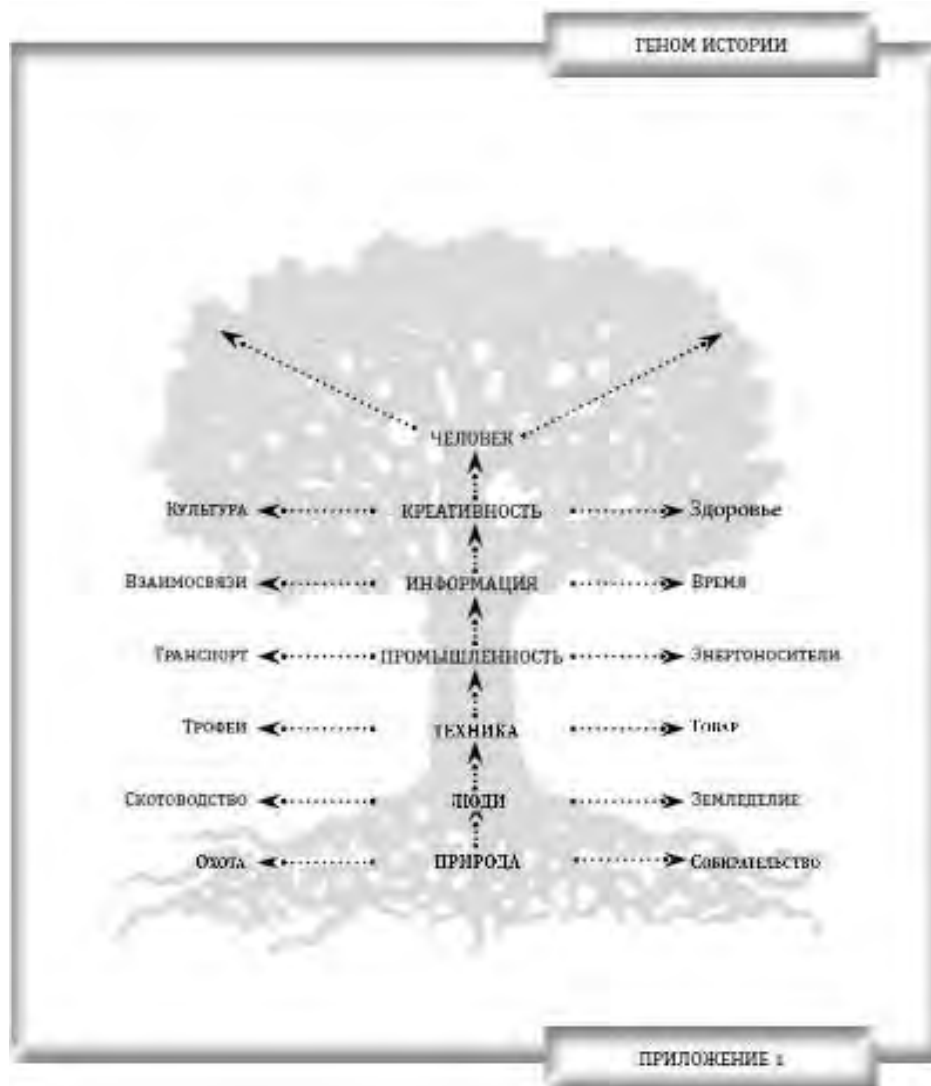

Рис. 1. «Геном» истории

Все это происходит при росте демографической численности, этнического, расового и конфессионального разнообразия жителей Земли, интенсификации транспортных и виртуальных коммуникаций, умножении глобальных миграций и повышении числа острых, порой убийственных коллизий. Человеческий космос, обретая планетарную целостность, расширяется и усложняется, переживая чреду метаморфоз планетарной организации, продвигаясь (а) через имперскую колонизацию земель и народов; (б) пройдя затем политическую деколонизацию и со срывами, откатами обустроивая всемирный концерт наций; (в) постепенно, формирует оболочку трансграничной просторности с акцентом на индивидуации и личностном суверенитете.

История свободна в эскизах, композициях и даже произвольных искажениях идеала, ее разнообразие – совокупность развивающихся сюжетов в духовной и практической сферах. Однако эти последовательности не обязательно линейны, а совокупности – последовательны. Эволюция оперирует не количественным исчислением времени и не масштабированием пространственных категорий, но всплесками перемен и результативностью обретаемых качеств. Состояние Ойкумены – производное от

умножения субъектов действия, пестроты замыслов, эффективности реализаций – динамической связности планетарной мозаики. Но это также и шквал изменений, уничтожающий существующие диспозиции (рис. № 2)⁸.

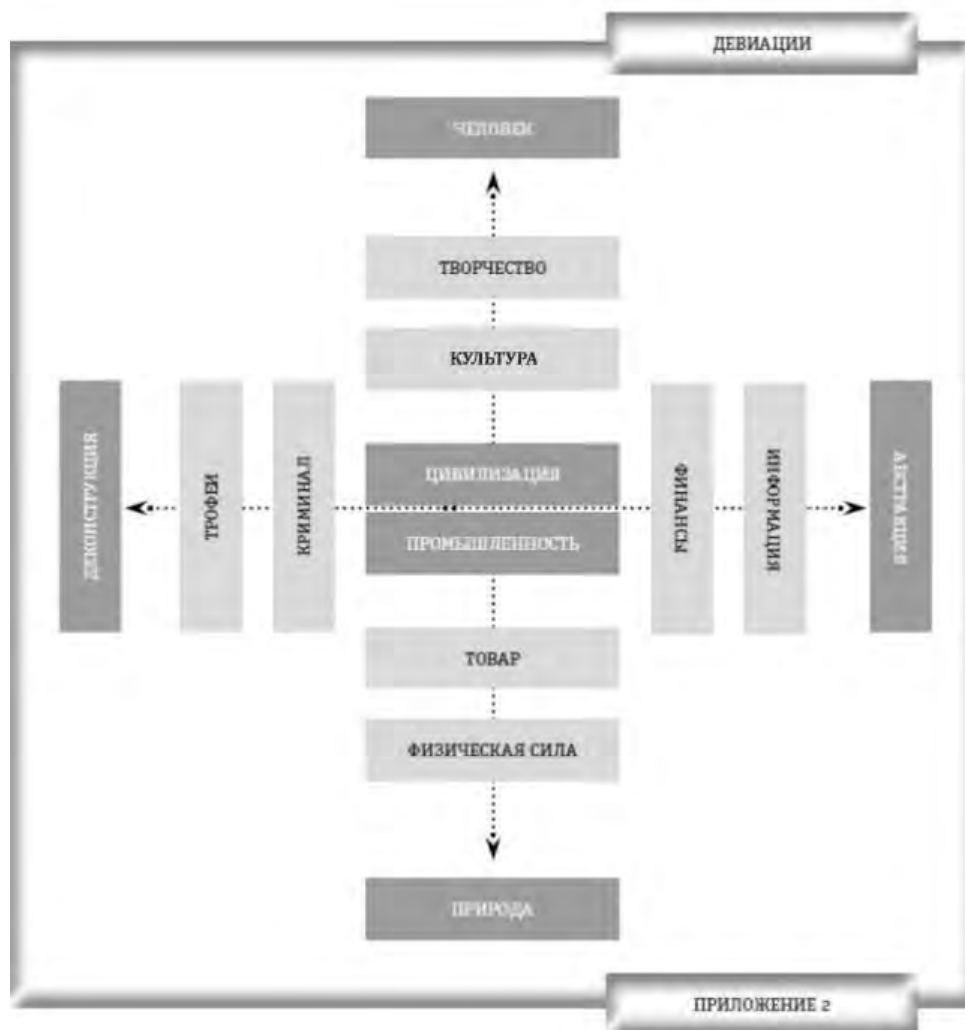

Рис. 2. Динамика транзита

Антропокосмос, преодолевая диктат обстоятельств, периодически переживает кризисные ситуации – хаотизацию организации и обретение новых свойств, позитивных

⁸ «У Клее есть картина под названием “*Angelus Novus*”. На ней изображен ангел, выглядящий так, словно он готовится расстаться с чем-то, на что пристально смотрит. Глаза его широко раскрыты, рот округлен, а крылья расправлены. Так должен выглядеть ангел истории. Его лик обращен к прошлому. Там, где для нас – цепочка предстоящих событий, там он видит сплошную катастрофу, непрестанно громоздящую руины над руинами и сваливающую все это к его ногам. Он бы и остался, чтобы поднять мертвых и слепить обломки. Но шквальный ветер, несущийся из рая, наполняет его крылья с такой силой, что он уже не может их сложить. Ветер неудержимо несет его в будущее, к которому он обращен спиной, в то время как гора обломков перед ним поднимается к небу. То, что мы называем прогрессом, и есть этот шквал» [Беньямин 2000: 84]. Интересно, что в аккадском языке категория «прошлое» – *um pani* – дословно означает «дни лица/переда». Для человека того времени прошлое – это дряхлеющий в настоящем, рассыпающийся идеал, доминирующее направление исторического взора. От будущего отворачивались: аккадское «будущее» – *ahcratu* – образовано от корня *hr* со значением «быть позади», «замещать» [Клочков 1983: 29]. Ср. также каламбур, заключенный в слове «предшественники». Подобный, но иначе мотивированный, привкус реверсной природы времени присутствует и в христианской концепции истории. Основание же современной ментальности – ее подвижная «высотная граница» (*high frontier*). Подробнее о различиях в восприятии и трактовке времени человеком см.: [Неклесса 2013: 9–15].

и негативных. Дорожная карта века – совокупность вызовов, возможностей и рисков, подобное состояние можно охарактеризовать как цивилизационный транзит. Время устраняет неопределенность развилки, а эволюция как «абсолютное и решительное повеление» (Кант) подавляет энтропийное инфицирование, преодолевая блуждания «вечного возвращения» по аналоговым коридорам земного лабиринта: повторение изжитых ситуаций и прожитых судеб. Архитектура перемен – это прорыв из ветхих строений, сквозь временные препоны в девственные земли футур-истории, непрерывное самосостязание, забег на длинную, открытую ветрам дистанцию [Некlessа 2019а: 153].

Жизнь сама по себе поток метаморфоз, сумма деконструкций и реконструкций, что дает повод усомниться в линейной прогнозируемости *действительной истории*. Мы перманентно редактируем и заново переписываем эскизы футур-истории, надеясь, однако, что тяга к *идеальной архитектуре*, столь свойственная человеку (ср. кантовский «тайный план природы»), в какой-то момент приведет к перерастанию чувства гармонии в универсальную эмпатию⁹: аналогии порождают запутанности и производят транзит¹⁰. Критические возможности и роковые обстоятельства возникают на очередном транзитном перекрестке – витке исторического состязания, в тот момент, когда стремительный Ахиллес и умело лавирующая черепаха оказываются в разных мирах.

Эпистемологический поворот

Обсуждение когнитивных территорий и дисциплинарных рубежей – разговор об основаниях архитектоники знания. Если задуматься, человек обитает даже не в двух, а в трех мирах: природном, социальном и ментальном, погруженных соответственно в квантовую, антропологическую и бессознательную неопределенность. Физический космос, общественный организм, корпус науки – зримые оболочки, вершины айсберга, уходящего в глубокие воды неустойчивых неопределенностей. Знание связано формой. Стохастический и динамический хаос, каждый по-своему, разъедают и растворяют ее, иницируя критические ситуации в собранной из опознанных фрагментов действительности целостной модели мироустройства.

Сцепление трех структур является узлом вселенского порядка, суммой взаимодействий и противоречий. Система Большой истории перманентно усложняется

⁹ *Универсальная эмпатия* – способность проявлять понимание, сопереживание и сочувствие к людям разных групп и сообществ без дискриминации и предубеждений. Это иная концепция социального мира.

¹⁰ Доминантный («конструктивистский») алгоритм новоевропейской цивилизации, обретающей планетарные пропорции: (а) *Возрождение* создает культурную платформу, постулирующую значимость человеческой личности; (б) *Реформация* формирует метафизические и практические координаты нравственности и деятельного целеполагания; (в) *Просвещение* развивает социальную ментальность и проектирует реорганизацию земного уклада; (г) *Современность* воплощает политический и правовой дизайн институтов и процедур. Комплементарный ему социокод («волюнтаристский») подобен по форме, но отличен по мотивации, акцентируя волевую и аффективную механику преобразований. Он также содержит четыре такта: (а) романтическая культурная установка («человек может все»); (б) личный и групповой активизм; (в) амбициозное утопическое планирование; (г) произвольность проекций власти («опричность» институтов и неопределенность должностных полномочий). С упрочением агентивности человека и расширением возможностей инструментария влияние данного кода усиливается, его мутагенный эффект возрастает. Сопрягая интеллект и аффект, общество варьирует и синтезирует алгоритмы, которые, словно «хромосомы», дирижируют историей. В антропологической космологии генеральный импульс движения к идеалу (ее *causa sui*) подвержен различным эпи-модуляциям, но изначальная устремленность поддерживается притягательностью идеала (своего рода аналог «черной энергии») и тактовой/«шлюзовой» организацией исторического процесса. А целостность, «иерархия» расширяющейся истории удерживается (подобно «черной материи» космоса) социальностью, чувством сопричастности, эмпатией. Ср. с кантовской максимой о «звездном небе» и «нравственном законе».

и, вероятно, эволюционирует. Парадоксы универсальной задачи трех тел сказываются на комплексной цельности естества («сущее») и социокультурной метрики («должное»), стимулируя постоянную коррекцию и периодическую реформацию корпуса знания. В наши дни поиск¹¹ нацелен на опознание и осмысление очередной исторической метаморфозы, включая становление планетарного мультикультурного общества. Земная «комедия положений», усложняясь, приоткрывает между тем не только очертания грядущего строя, но ведет также к углублению знания об общем замысле этой подвижной архитектуры – «кругах» людского общежития [Неклесса 2023b].

Формулируется предметный поля, меняются регламенты интеллектуального поиска, развиваются междисциплинарные трансфер. Перестройка социо-гуманитарных дисциплин стимулируется несовпадающими по глубине мотивациями:

- стремлением справиться с обилием сложных, нередко противоречивых процессов, оставаясь в русле дедуктивно-аксиоматического подхода и соответствующих ему методологических схем, оптимизируя и развивая их;
- желанием существенно расширить рамки «окна Овертона»¹², изменив параметры конвенций в сфере легитимного знания, существенно модернизировать исследовательскую практику и обновить лекала дисциплинарной рефлексии.

Научно-дисциплинарное знание – влиятельный язык, в рамках новоевропейской конвенции верифицирующий и транслирующий обитателям «аквариума Хокинга» [Хокинг, Млодинов 2022] трофеи, обретенные на путях в неизвестность. Это также драматургия интеллектуального конфликта: перманентной критики с целью перепрочтения познанного, максимально возможной его коррекции, а порой – списания и замены. Методологический кризис ощутим сегодня в естественных науках, исследующих мироздание¹³, выявляя его законы, и в социо-гуманитарных дисциплинах, познающих средства познания, мир практики и саму натуру *homo sapiens* на основе

¹¹ Этот вид знания – дискурсивная карта закономерностей, она фрагментарна и принципиально неполна. Ср. «Есть вещи, о существовании которых нам известно и которые мы знаем [*известные известности* – АН]. Еще есть *известные неизвестные* [курсив мой – АН], то есть вещи, о существовании которых мы теперь знаем, но которые не понимаем. Наконец существуют *неизвестные неизвестности* [курсив мой – АН]. Вещи, о наличии которых мы не знаем и суть которых также не знаем. Поэтому мы делаем все возможное, собираем всю информацию воедино, и тогда говорим, что это в основном то, что мы видим как ситуацию, то есть только известное известное и известное неизвестное. И каждый год обнаруживаем также несколько неизвестных неизвестностей». Rumsfeld D. NATO Speech. NATO HQ. – Press Conference by US Secretary of Defense. 06.06.2002. URL: <https://www.nato.int/docu/speech/2002/s020606g.htm> (дата обращения 14.02.2024).

¹² *Окно Овертона* – социологическая концепция существования рамок допустимого для спектра мнений в публичных высказываниях ученых, политиков и активистов с точки зрения текущего социального и научного консенсуса – конвенций общества и наличной картографии бытия. Концепция названа в честь ее автора: американского юриста и общественного деятеля Джозефа Овертона.

¹³ Эпистема современности претерпевает кризис из-за вскрывающихся проблем и возникающих неурядиц. Например, из-за противоречий, обнаруживаемых в космологии, или же очередных парадоксов «квантового подсознания» мира. Динамическая сложность вселенной и масштаб происходящих в ней процессов превышают актуальные возможности адекватного восприятия и полноценной репрезентации. Сформировавшееся мировидение все чаще конфликтует с экспериментально подтвержденными свойствами природы, подвергая сомнению и девальвируя актуальную модель бытия. Серьезный вызов – осмысление *природы сознания*: супервентности взаимоотношений ментального и физического миров, что для естественно-научной парадигмы новая ситуация, к исследованию которой с классических позиций непросто подступить. Между тем во всем спектре интерпретаций полевых эффектов, роль наблюдения, *физики сознания*, влияния мотиваций и выбора возможностей на степени вероятности высока. Также проблематизируется сущность математики как не просто языка природы, но вселенской инфраструктуры [Неклесса 2024].

аксиом, эталонов, конвенций, не являющихся, однако, законами природы и потому подверженных сомнениям, перелицовкам и разночтениям¹⁴ (*perception is reality*¹⁵).

Так в конце XIX века в ученом сообществе наметился методологический кризис. Это было время, когда под влиянием сциентистской аскезы, продуцируемой бурным развитием естественно-научного знания, да и общим настроением эпохи, в социогуманитарных дисциплинах производилось усечение дискурса («научность» vs. «метафизика»). Так в среде неокантианцев даже предметное поле философии, фактически, сводилось к сугубо эпистемологической и методологической проблематике. Но уже вызревали и утверждались направления мысли, связанные с критикой просвещенческого рационализма и позитивизма, в частности, философия жизни (жизнь, как самостоятельная реальность). А также с идеологией футуристичного политического активизма, марксистской или иной направленности, определявшие статус знания через его творческую силу¹⁶.

В данном контексте интересны параллели с повесткой негритюда (Леопольд Сенгор, Эме Сезер, Леон-Гонтран Дамас), подвергнувшего критике картезианскую модель истины, требующую исключительно формальных доказательств неопровержимости, за ее схоластичность и принципиальную неполноту. Предрекая при этом конфликт рационального с разумным и отдавая предпочтение исследовательской позиции, замещающей дискурсивно-логический *tour de force* сциентизма комплексным восприятием действительности, ее гештальта с соответствующей интерпретацией феноменологии. Мысль стремится вернуться в круг жизни, трансгрессируя ограничения, налагаемые дисциплинарным знанием (в контексте сложившейся номенклатуры, мы бы сейчас назвали этот инновационный для своего времени подход холистичным или трансдисциплинарным¹⁷). Некоторым аналогом тут могут послужить экзерсисы

¹⁴ В XX веке кризис в сфере организации и оборота знания (с учетом расширяющегося дисциплинарного спектра, умножения обозреваемой феноменологии и все более изоциренного дискурса) был отчасти амортизирован становлением общей теории систем, ее влиянием на методы управления сложными процессами и осмыслением некоторых ключевых закономерностей динамического хаоса. Свою роль сыграли достижения в сфере компьютеризации, освоения потенциала больших баз данных при возрастании скорости их обработки, расширении диапазона добываемой смысловой информации, аккумуляции и рекомбинации оригинальных идей. Изучается предсказательная сила неопределенных информационных массивов: (эффект черного ящика: усечение осмысления в духе «копенгагенской интерпретации»), многофакторный анализ и творческие способности специализированного, общего и генеративного искусственного интеллекта наряду с возможностями фотонной архитектуры и квантового программирования. Поиск же активность в области социального прогноза и управления связана с изучением свойств больших систем, закономерностей их эволюции, влияния эпигенетических модуляций, методов фрактального анализа хронологических матриц, их топологического исчисления с применением принципа дополненности и логики случайностей. А также свойств художественного гештальт-анализа (арт-гипотез) и постижения глубин когнитивной сложности мерцающих, потоковых, полевых состояний, моделей их организации, результативности неклассического оператора (*e.g. serendipity*) и синергичных взаимодействий. Все это ставит исследователей перед фундаментальными методологическими вызовами.

¹⁵ Ср. знаменитое «*the medium is the message*» [McLuhan 1964: 23].

¹⁶ Ср. «Философы лишь различным образом объясняли мир; но дело заключается в том, чтобы изменить его» [Маркс 1955: 4] и «Знание, не ставящее перед собой задачи изменить мир, не является истинным» [Mbembe 2008].

¹⁷ Истоки представлений о созидательных и властных потенциях слова, языка, текста, ощущение преобразующих сил «живого творчества» уходят в магические практики, шумеро-аккадскую, античную и библейскую мудрость. А в новоевропейской культуре это проявляется во времена Возрождения в концепциях – сначала колеса фортуны, корректирующего власть фатума, а затем – разума, преодолевающего власть судьбы (*Sapiens dominabitur astris*), и, наконец, – всепобеждающей и управляющей универсумом любви («*L'amor che move il sole e l'altre stella*»). А в дальнейшем – с не вполне совпадающими акцентами проявляется у Френсиса Бэкона: «знание само по себе есть сила» – «*ipsa scientia*

постструктурализма, толкующего структурность как сумму состояний (ср. с позицией Делёза), то есть осмысляя бытие не абстрактно-аналитически, инструментально и дидактически, но как принципиально не вполне определяемую вероятностную целостность, воспринимаемую лишь фрагментарно-синтетически, эстетически и «телесно». Доминантным результатом при этом оказывается не знание само по себе, но возрождение связанной с ним «жизненной силы»: способность субъекта понимать, развиваться и действовать. Другими словами, скорее, как культивацию сознания¹⁸.

На протяжении прошлого века эманации экзистенциализма, неомарксизма и постструктурализма сами по себе, совокупно либо в той или иной упаковке «раскачивали лодку» академической традиции, стимулируя пересмотр дисциплинарной конвенции, продвигая в числе прочего легитимацию деколониальной критики. Действительно, по словам профессора Ашиля Мбембе, постколониальность, постколониальные исследования, постколониальная ментальность (и, я бы сказал, постколониальное остроумие, временами жесткое и гротескное) представляет в достаточной степени эклектичный комплекс: «в его основе с одной стороны, лежат идеи антиколониальной и антиимпериалистической борьбы, с другой – традиции западной философии и европейской гуманитарной мысли. Это фрагментированный, открытый стиль мышления, что является одновременно его силой и слабостью» [Mbembe 2008]. Что же касается деколониальности, прямо претендующей на роль реформатора социогуманитарных дисциплин, то эта ее деятельная ипостась проявляется как (а) социокультурная антитеза широко понимаемой «ментальной колониальности» с акцентом на «освобождение умов» и «критическом мышлении» [Viko 2002]; (б) «эпистемологическое неповиновение» европейской сциентистской оптике [Quijano 2010, Mignolo 2011, Тлостанова 2020]; (в) активистский инструмент из реестра «знание-власть» [Foucault 1979]; (г) социо-идеологическое обоснование широкого спектра протестных движений и ползучей институционализации перемен.

Деколониальность не только проблематизирует сугубо когнитивный подход к действительности, но в полном соответствии с природой активизма стремится реализовать властную регуляцию социокультурного комплекса культура-образование-мораль, декларируя «деколонизацию производства знания» и утверждая дидактическую роль новой «новой этики» при трансляции в мир своего социо-гуманитарного дискурса. Провозглашая атаку на «казематы знания» в борьбе за культурную гегемонию *a la* Грамши деколониальность заявляет о кризисе европейской академической традиции, указывая на оккупацию/колонизацию производства знания, сциентистскую мимикрию академических дисциплин, их нормативную ригидность, претензию европейской

potestas est) (в «*Meditationes Sacrae*» 1597) и у Томаса Гоббса в латинском тексте «Левиафана» (1668), который упрощает ее до получившего распространение афоризма «знание – сила» («*scientia potentia est*»). В более формальном виде проявляется у Ньютона в размышлениях о *causa sui*, рассматривая покой / равномерное движение как состояние свободы от любых сил (*nisi quatenus*). Христианская культура мыслит усилие необходимым для продвижения к главной цели («Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» [Мф. 11:12]), предполагая свободный выбор («подвижничество»).

¹⁸ Классическая древнегреческая триада знания строилась на разделении теории, практики и искусств («технологий»); в пифагорейской же системе акцент делался на опознании структуры и раскрытии гармоник бытия, отраженных в закономерностях чисел и музыкальном строе. А в полемике Варлаама Калабрийского и Григория Паламы роль знания как «универсального лекарства» сопоставлялась со способностью его воспринять [Некlessа 2013: 34–37]. Оборот знания предполагает культуру разума, противоположность чему не невежество, а глупость, как особый ум. Эпистемологическая тетрамадрица интегрирует четыре аспекта знания: (а) рациональное и отчуждаемое: *дисциплинированное рассуждение*, скрепленное конвенцией, и *наука* как сумма экспериментально подтвержденных законов; (б) рациональное и неотчуждаемое: профессиональная экспертиза *ad hoc*; (в) нерациональное и отчуждаемое: художественное творчество; (г) нерациональное и неотчуждаемое: интуитивное, органистичное, личное.

дискурсивно-логической традиции на универсальность, навязываемые дисциплинарные ограничения, интеллектуальные иерархии и эксклюзивный статус языка эпохи индустриализма *versus* оригинальность культурных ситуаций, разнообразие исторических идентичностей и возможность использования более широкого спектра средств для извлечения и трансляции знания (например, искусство как способ познания).

Критика современной организации дисциплинарного знания – равно как рассуждения о границах науки, включая методологические сложности квантовой проблематики, открывшиеся горизонты в космологии, размышления о природе математики и т.п. – в конечном счете, чреват *эпистемологическим поворотом*: структурной реформацией нынешнего, по сути фрагментарного, а местами все же алогичного и, не исключено, «фундаментально ошибочного» [Rosenblum, Kuttner 2011: 139] представления о мире, в котором мы обитаем. Однако переосмыслить основы современной научной номенклатуры, проактивно опознавать иное неизвестное, расширив технологии производства знания и сместив дисциплинарные разграничения, значит произвести когнитивную и социальную революцию (принципы как принципсы); то есть совершить транзит, шагнув в пульсирующую темноту. Коррекция полномочий контекстуальности знания, «бритвы Оккама», эксперимента, постулирующего законы (*science*), а также дисциплинарного консенсуса (*social studies & humanities*) как процедуры, регламентирующей легитимность дискурса, чреват переворотом не только в доменах знания. Результат, подобно генезису в свое время новоевропейской науки, может повлечь аналогичную по драматизму смену мировосприятия, стимулируя культурные потрясения, трансформацию социальной ментальности, перемены в мироустройстве и навигации истории.

Постколониальный переворот

Одно из следствий Тридцатилетней войны XX века – ликвидация имперской «эффективной оккупации» планеты и многополярности мироустройства, тормозивших экономическую экспансию индустриального изобилия. Сложилась биполярная идеолого-политическая конструкция, разделившая мир осью «Запад-Восток», сформировалось также поколение политических суверенов, источник которых – деколонизация, предопределившая становление другой оси: «Север-Юг».

В 2025 году исполнилось 73 года со дня выхода статьи Альфреда Соби «Три мира, одна планета». Мне уже приходилось писать об этом профетическом сюжете – как на заре политической деколонизации французский демограф-антрополог сумел одной фразой заглянуть в будущее, на наших глазах обретающее плоть. В том коротком тексте впервые была сформулирована категория «третий мир» («самый важный» как подчеркнул Соби [Sauvy 1952: 14]), которая в последующие десятилетия стала мемом, а в общественных дисциплинах – одним из наиболее часто употребляемых концептов, хотя и с несколько отличным от оригинального замысла содержанием. Между тем изначально заложенный в данное понятие смысл – это сближение пробуждавшегося в те годы колониального мира с судьбой и миссией «третьего сословия». В этом качестве мем пережил как пертурбации политической деколонизации, так и конъюнктурные идеологические интерпретации, оказавшись, возможно, даже более глубоким осознанием исторической ситуации, чем представлялось в те далекие годы его автору. Впоследствии Соби так описывал генезис термина: «В 1951 году в бразильском журнале я говорил о трех мирах, но не использовал выражение “третий мир”. Я создал его и впервые употребил в письменной форме во французском еженедельнике “*L'Observateur*” от 14 августа 1952 года. Статья заканчивалась следующим образом: “потому что,

наконец, этот “третий мир”, игнорируемый, эксплуатируемый, презираемый подобно третьему сословию, теперь тоже хочет быть чем-то”. Таким образом, я модифицировал знаменитую фразу де Сийеса о третьем сословии времен Французской революции¹⁹. Я не добавлял (но иногда говорил, в шутку), что капиталистический мир можно приравнять к дворянству, а коммунистический мир к духовенству»²⁰.

Мир, возникший на руинах феодально-сословного порядка, был основан на секулярном мировидении, городской культуре, режиме представительной власти, постулатах гуманизма, естественнонаучном осмыслении жизни, идее свободного рынка, инженерном искусстве и рациональном, деловом подходе к практике. В его социальном обустройстве существенную роль сыграли идеи реформации, просвещения, прогресса, экономического развития, политического конструктивизма, представление о прирожденных правах и высоком предназначении людей. Противостояние Старого и Нового Света, совокупность событий Нового и новейшего времени при всех трагических изломах современной истории, ее приливах и отливах продемонстрировали суверенизацию народов и эмансипацию²¹ людей как шанс приблизиться к признанию универсального достоинства человека.

Постколониальная проблематика опознается во все более широком круге явлений в региональном и глобальном ракурсах. Колониальность продолжает существовать в современном, не вполне постколониальном мире как феномен и как проблема, однако борьбу за суверенитет – статусный аспект политической экзистенции, сегодня дополняет и отчасти замещается практикой социокультурной и психологической деколонизации. Южноафриканский антрополог и политический активист Арчи Мафиджи на волне преобразований, охвативших Африку в конце прошлого века, полемизируя с афропессимизмом кенийско-американского философа Али Мазруи²², писал: «Нам нужна в Африке не только политическая деколонизация, но еще и ментальная» («*we need decolonization in Africa not only of the body polity but also of the mind*») [Mafeje 1995: 20]. Постколониальность, постколониальные исследования, постколониальная диалектика – образ мыслей, способ бытия и социокультурный аутопоэзис людей и сообществ. Это состояние после колонизации, процесс ментальной и нравственной (само)реабилитации, концептуально-теоретическая рефлексия этоса деколонизации, а также активизм в сфере практики. И еще – широкая рефлексивная перспектива: осмысление различных конструктивных/деструктивных аспектов суверенного состояния, академическая реституция, вписанная в контекст общей деконструкции современной эпистемологической архитектуры.

¹⁹ «Что такое третье сословие? – Все. Чем оно было до сих пор в политическом отношении? – Ничем. Чем оно желает быть? – Чем-нибудь» [Сийес 2003: 64].

²⁰ Sauvy A. Note sur l'origine de l'expression «Tiers Monde» par Alfred Sauvy // Société Démographie – En vrac. URL: <http://www.homme-moderne.org/societe/demo/sauvy/3mondes.html> или TROIS MONDES, UNE PLANÈTE. Alfred Sauvy. (homme-moderne.org) (дата обращения 2.04.2024).

²¹ Пять «D» универсальной эмансипации: демократизация / деколонизация / десегрегация / легитимация инакости (*diversity*) / утверждение достоинства личности (*dignity*).

²² «Значительная часть современной Африки находится в процессе угасания и распада. Даже относительный уровень зависимой модернизации, достигнутый при колониальном владычестве, теперь утрачивается. Последовательное крушение государственности в одной за другой африканской стране в начале 90-х годов подсказывает невероятное доселе решение: реколонизация. Для все большего числа африканцев это становится горькой правдой после страшных событий в Руанде. Если африканцы весьма успешно объединялись для борьбы за национальную свободу, то, очевидно, нам не удалось объединиться во имя экономического развития и политической стабильности. Война, голод и разруха стали постколониальной реальностью для слишком многих африканцев. В результате встает вопрос о реколонизации извне, на сей раз под знаменем гуманизма» [Mazrui 1994].

В области же дисциплинированной рефлексии – это сумма исследовательских стандартов и образовательных программ, их дисциплинарное масштабирование: (а) зонтичная доктрина, генерирующая междисциплинарный синтез; (б) критическая теория как сумма социально аргументированных гипотез о глубинной сути колониальности; (в) мозаичная дисциплинарность, интегрирующая предметные ветви африканистики (*African studies*), африканоаналогии (*Africana studies*), исследований чернокожих (*Black studies*), черную радикальную теорию (*Black radical theory*) и осмысление систем угнетения в целом (*Subaltern studies*). Играет определенную роль и дифференциальная фокусировка постколониальной оптики с выделением аспектов: континентального, диаспорального, планетарного, расового, их сопряжений и конфликтов (к примеру, афрофутуризм vs. африканофутуризм).

Постколониальный мир – не просто сумма территорий, обретающих политическую независимость от метрополий, но пришедшие в движение народы, люди, вовлеченные в со-творение истории, пестрота их жизненных инициатив. Осмысление постколониальности как (а) феномена глубинной деколонизации – социальной, культурной, психологической; (б) «большой проблемы» цивилизации со сложным, противоречивым потенциалом, ведет к редактированию исторических генеалогий и социокультурных перспектив не только Африки или Азии, но также Америки и Европы. Постигание опыта людей и сообществ, завоевавших призы, осваивая тяготы и пожиная плоды личного и группового суверенитета, позволяет надеяться на резонанс и побуждение к действию идеи универсальной эмпатии.

Сегодня, когда политическая деколонизация практически вытеснена из мировой повестки сюжетами мультикультурной сумятицы, возрастающее этно-расовое изобилие обретает привкус постколониальной интервенции в соответствии с прогнозом: «если Европа не идет в Африку, Африка придет в Европу». Причем имеются в виду не только захлестывающие континент потоки мигрантов²³, но об этом чуть ниже.

Африканский транзит

Что есть Африка? Ответ на этот внешне простой вопрос не столь очевиден, как представляется на первый взгляд. Тут может действовать различная оптика: геофизическая, социокультурная, политическая. Простой, но слишком уж простой ответ: Африка – материк, лежащий к югу от Европы между Атлантическим и Индийским океанами. В социальном же и гуманитарном ракурсе Африка – это также, и главным образом, люди, сообщества, проживающие на данном континенте (и диаспоры вне его), многоуровневая система их связей и взаимодействий²⁴.

Здесь возникают сложности – проекции Африки разнятся в зависимости от акцента на расовых, этнических, племенных, культурных или конфессиональных характеристиках, от конфигурации которых зависит результат сборки. Аналогичным

²³ Трансформация сложившегося к началу XXI века миропорядка, вкупе с вбираемым глобализацией социокультурным разнообразием планеты, может быть сопоставлена с былым переселением народов, последующей обширной реконструкцией Ойкумены и растворением в нахлынувших водах человеческого потопа прежнего строя с его ценностями и нормативностью. Результатом стал системный переворот – распространение своего рода «новой нормальности» (христианства), сопровождаемое аналогами «культуры отмены» и экспансией племени *hominini moderni* той эпохи.

²⁴ Ср. «Подобно В.Й. Мудимбе, А. Мбембе интерпретирует Африку не как определенное, изолированное место, а как средоточие противоречий, которые заметно осложняют взаимоотношения с остальным миром и проявляются на политическом, экономическом, психологическом, культурном, семиотическом и физиологическом уровнях.» [Гавристова, Хохолькова 2022: 695].

образом обстоит дело с моделированием регионального районирования континента. Подвижен и дизайн цивилизационного текста – возможны различные его интерпретации. Рассматривать ли Северную Африку как часть Ближневосточного ареала? Земель и стран Средиземноморья? Либо анализировать ее вместе с Африкой южнее Сахары как единый регион? Можно разделить материк на крупные зоны, исходя из культурных, расовых, конфессиональных мотиваций. Или определить сугубо Черную Африку как целостный, самостоятельный объект «Африка». Отдельная проблема – Сахель, «огненная полоса» конфессионального, расового и этнического сопряжения. Наконец, можно воспринимать, анализировать и описывать всю обширную совокупность данных регионов как находящуюся в становлении и нуждающуюся в переосмыслении пульсирующую интегriu – Большой Афразийский комплекс.

Существует доминирующее на сегодняшний день видение континента сквозь призму территориальных разделов и переделов в процессе колонизации/деколонизации и произвольной административной картографии, сложившейся, скорее, на основе, геополитических векторов внешней экспансии, нежели эндогенного пространственного развития (рис. №3–6). Политическая оболочка современной Африки, являясь во многом результатом колониального правления, отражает принципы нормотворчества Нового и новейшего времени. В итоге эклектика постколониальных конфигураций стала основой политической географии, а природная континентальная граница предопределила удобную форму его интегральной репрезентации как Африканского Союза 55 стран²⁵.

Таким образом, Африка, какой мы ее сегодня представляем, является исторически сложившимся комплексным феноменом, вписанным в современную международную ситуацию²⁶. Ее подвижный гештальт может конъюнктурно меняться, объединяя различные аспекты действительности, что сказывается, в частности, на обилии академических дисциплин, изучающих процессы и явления, входящие в «большой африканский круг»²⁷ и другие форматы научных и образовательных учреждений, занимающихся африканскими исследованиями. Выбор предпочтительного аспекта зависит от текущего состояния практики.

Африка разнообразна, даже разнородна, сложна для анализа и лишь условно сводима к расхожим обобщениям, основанным на территориальной связности или цвете

²⁵ К 1870 г. под европейским контролем находилось около 10% территории Африки, в основном порты, торговые анклавы, острова, часть побережья Западной Африки, земель Средиземноморья и на юге материка, не затрагивая континентальные просторы (во многом из-за особенностей африканского климата и тропических болезней). То был период «точечной колонизации». В ходе раздела Африки в конце XIX века, достигшем апогея после Берлинской конференции (1884–85 гг.), Европа обрела контроль над почти 90%. Политическая деколонизация, стартовав в 50-е годы, фактически завершилась в 60-70-х гг. XX века.

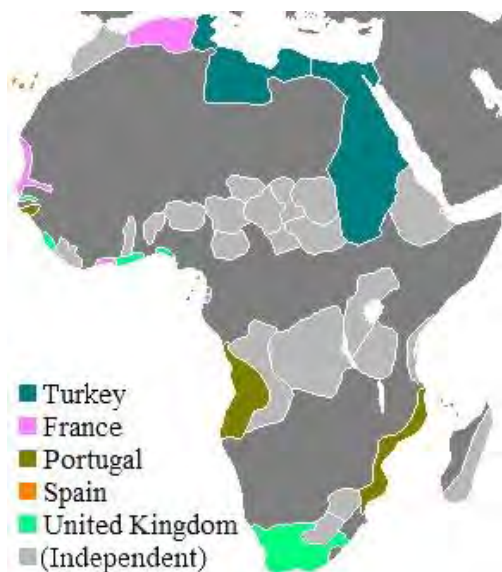
²⁶ Ситуацию интересно сравнить (достаточно условно) с иным, но кое в чем сопоставимым процессом и его результативностью: международно-правовым обустройством обширных пространств Индостана в постколониальный период, генезисом полудюжины суверенных государств, испытанием судьбоносными развилками, острыми конфессиональными и этническими конфликтами, переворотами, сепаратизмом, сецессиями, терроризмом, войнами из-за спорных территорий и по иным причинам. То есть непростым постколониальным транзитом, приведшим в конечном счете к политической конфигурации ареала, воспринимаемой сегодня как некая данность [см. Wallerstein 1991: 130–134].

²⁷ Africana Studies, African and African Diaspora Studies, African/Black World Studies, Pan-African Studies, Africology, African and New World Studies, African Studies–Major, Black World Studies, Latin American Studies, Latin American and Caribbean Studies, Black and Hispanic Studies, Africana and Latin American Studies, African and African-American Studies, Black and Hispanic Studies, African American Studies, Afro-American Studies, African American Education Program, Afro-Ethnic Studies, American Ethnic Studies, American Studies–African-American Emphasis, Black Studies, Comparative American Cultures, Ethnic Studies Programs, Race and Ethnic Studies [Mazama 2009: 65–76].

кожи большей части ее обитателей. К тому же и тут имеются нюансы, различия, содержащие эмбрионы других геополитических композиций и проектов. Постколониальность, понимаемая как мир африканских постколоний (одно из ее толкований), подобно постмодерности и посткоммунизму, является переходной средой со смешанными укладами. Наряду с Ближним Востоком и серьезными неурядицами, возникающими время от времени в Южной и Юго-Восточной Азии, это один из наиболее нестабильных макрорегионов мира.

Динамика колониального статуса

Африка 1870 (рис. № 3)

Африка 1900 (рис. № 4)

Источник: Wikimedia Commons, the free media repository. Author Knyaz-1988.
 URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Colonial_Africa_1900_map.png.

Африка 1914 (рис. №5)

Деконизированная Африка (рис. № 6)

Источник: <https://i.pinimg.com/originals/a5/08/23/a50823bef7507b002fed6ea34ee2f0d5.jpg>.
 Источник: <https://site-edu.ru/geography/politiceskaa-karta-afriki-na-russkom-azyke-so-stranami.html>.

Системный транзит от колониального статуса через деколонизацию и ориентацию на возвращение суверенных наций предполагает соучастие в продвижении

цивилизации к высокоорганизованному обществу, определяющей характеристикой которого мыслится суверенная личность. Обитатели континента оказались в сложной ситуации: Африка совершала и продолжает совершать: модернизацию, то есть переход от традиционного общества и его институтов к современному укладу; освоение результатов деколонизации и усвоение сладких/горьких плодов суверенизации; диверсификацию соприсутствия в динамичной среде планетарного сообщества.

«Модернизация и стремление к современности – вероятно, наиболее всеобъемлющие и всепроникающие особенности нынешней социальной сцены», писал Шмуэль Эйзенштадт в годы интенсивной деколонизации Африки [Eisenstadt 1966: 1]. Но путь очевидным образом извилист и непрост. Переходу африканского мира в суверенное будущее предшествуют – и его же сопровождают, силовые эксцессы, экономические нестроения, социальная неопределенность, бюрократизированный неотрайбализм и обширный круг симуляций современного строя [Jameson 2000: 319]. Однако Эйзенштадт, углубленно изучавший пестроту версий модернизации неевропейских обществ, обращал внимание на следующее обстоятельство: «В то время как общая тенденция к структурной дифференциации развивалась в широком спектре институтов в большинстве этих обществ – в семейной жизни, экономических и политических структурах, урбанизации, современном образовании, массовой коммуникации и индивидуалистических ориентациях, – способы, которыми определялись и организовывались эти арены, сильно различались в разные периоды их развития, порождая множество институциональных и идеологических моделей. Примечательно, что эти модели не были простым продолжением традиций соответствующих обществ в современную эпоху. <...> Многие из движений, которые развивались в незападных обществах, выражали сильные антизападные или даже антисовременные темы, однако же, все они были отчетливо современными (*modern*)» [Eisenstadt 2000: 1–2].

Модернизация сама по себе этап социальной эволюции. Образуется пространство рисков и возможностей, демонстрирующих цепкость и многоликость колониальности²⁸. Возникает, в частности, феномен *постколониум*²⁹ как новый исторический персонаж и тип суверенной государственности, отличной от национальной (*nation-state*). С обретением политического суверенитета происходит транзит властных регуляций в новый формат, включая конфликт традиционного общества с современным строем.

²⁸ Проблематика постколониальных/постимперских трансформаций универсальна: продвижение от колониального статуса к становлению постколонии [Mbembe 2001] как молодой суверенной нации либо автоколониальной государственности можно проследить в разное время, в различных регионах планеты. Мир пережил три волны деколонизации с характерными особенностями: (1) в конце XVIII – начале XIX вв. суверенизация «Нового Света» как генезис политической системы «существенно отличной от европейской» (формула доктрины Монро); (2) крушение сухопутных империй после I мировой войны, образование в Европе и на Ближнем Востоке новых суверенных и полусуверенных государств из «обломков многочисленных наций» [Энгельс 1957: 5–113]; (3) распад системы заморских колониальных империй после II мировой войны и становление обширного «третьего мира».

²⁹ «Кения и почти каждая африканская страна порождены концом империализма. Наши границы чертили не мы. Их установили в далеких колониальных мегаполисах <...> Вместо того, чтобы формировать нации, с опасной ностальгией смотрящие назад в историю, мы решили стремиться вперед, к величию, которого никогда не знала ни одна из наших многочисленных наций и народов. Мы решили следовать принципам Организации африканского единства и уставу Организации Объединённых Наций не потому, что нас устраивают наши границы, а потому что хотели выковать что-то большее, в мире. <...> Мы должны завершить наше возрождение из пепла мертвых империй таким образом, чтобы не ввергнуться в *новые формы господства и угнетения* (курсив мой – А.Н.). Мы отвергли ирредентизм и экспансионизм по любому признаку, включая расовые, этнические, религиозные или культурные факторы». Мартин Кимани. постпред Кении при ООН. URL: <https://riataza.com/2022/02/24/rech-postpreda-kenii-na-sovbeze-oon-po-ukraine/> (дата обращения 25.02.2024).

Возникает, в частности, феномен *автоколониальности* («автохтонной реколонизации») – отчуждение и узурпация власти нации, но на сей раз суверенными правителями, продолжающими, однако, подобно колониальным администрациям, практику эксплуатации населения и присвоения национальных богатств.

В подобной политике этно-клановые группировки, фактически размывают строительство национальной государственности, а авторитарный вождизм³⁰ неотрайбалистского толка узурпирует власть лишь формирующейся нации, используя в числе прочих средств созданный в колониальный период инструментарий. Еще на Бандунгской, конференции стран Азии и Африки (1955 г.) наряду с осуждением «классического колониализма» звучала критика иных возможных версий, включая автоколониализм: «Я заклинаю вас не представлять колониализм только в той классической форме, с которой знакомы мы, индонезийцы, и наши братья в различных частях Азии и Африки. Колониализм имеет также современное обличье в виде экономического контроля, контроля над мыслями, фактически полного контроля небольшой, но чуждой интересам общества группы людей *внутри страны* (курсив мой – А.Н.). Это искусный и упорный враг, он появляется под многими масками» (Сукарно) [Цит. по: Боулс 1956: 7].

Эта «ползучая колониальность» осложняет переход постколонии в действительно суверенное состояние. Экспроприирующая и эксплуатирующая суверенитет группа лиц, наделенная властью, формально ей делегированной либо революционным образом обретенной в ходе национально-освободительной борьбы или переворота, дополняет полученные административные возможности силовой составляющей (полицейский аппарат, вооруженные силы и т.п.), институализируя и легитимизируя насилие, а также обеспечивая себя совокупными финансовыми средствами государства. Сосредоточение в одних руках политико-экономических рычагов упрощает власть над обществом. При этом наличие обильных природных ресурсов способно, парадоксальным образом, под лозунгом их национализации (огосударствления) превратится из достояния нации в обременение. Монопольная концентрация сил и средств сдерживает развитие гражданского общества и затрудняет становление национального хозяйства, ограничивая как развитие политических институтов, так и диверсификацию частных предприятий, способных подорвать властные позиции автохтонных колонизаторов.

Фактическая реинкарнация исторического антагонизма в постколониальном тексте демонстрирует глубину природы и многоликость мимикрии колониальных / неоколониальных отношений. Таким образом, автоколониальность как перевоплощение, казалось бы, изгнанных из региона внешних субъектов угнетения оказывается еще одним барьером на пути постколонии к реальному самоопределению и суверенитету.

Социокод африканского транзита

Обитатели континента совершали и совершают комплексный переход: (а) от племенных сообществ и традиционных практик к современному строю в африканском прочтении; (б) осваивают результаты деколонизации и политической суверенизации, выстраивая систему государственных и общественных институтов; (в) соучаствуют в становлении мультикультурного, трансграничного мира, меняя уровни субъектности.

³⁰ Ср. с *авторитаризмом* (от лат. *auctoritas* – авторитет, влияние, властность), категорией, введенной в научный оборот в 20-е годы прошлого века. Хосе Ортега-и-Гассет обозначал таким образом нарастание элитарного господства над обществом при транзите от традиционных, сословных политических иерархий к властным конструктам массового общества. Применялся также теоретиками Франкфуртской школы для описания новых недемократических режимов в Европе. Автоколониальная политика – это, фактически, «колония без метрополии», чью роль исполняет автохтонная властная организованность.

Социальный код³¹ африканского транзита от племенных культур и структур к версиям современного строя (*le code social du transit Africain / SOCOTRA*) фиксирует ряд пороговых ситуаций и развилок, возникающих в процессе социо-трансформации.

Культурный шок. Культура сообщества – образ мира, житейские практики, архетипы, идеалы, запечатленные в народе. Современность характеризуется ментальной и социальной мобильностью, динамичный строй отрицает статику, предопределенность судьбы, «харизматический тип политического господства и сакрализацию власти» [Ким 2014: 491–497]. Традиционное же бытие, «производство и потребление, как правило, жестко регламентированы» [Ким 2014: 491–497]. Модернизация привносит в традиционный мир маневренность: разнообразие реакций и устремлений, способность подвергать сомнению диктат стереотипов, совершенствовать и менять практику, при необходимости – радикально³². А также подрывает хозяйственный уклад, при котором «благо коллектива ставится выше индивидуальной прибыли» [Ким 2014: 491–497], доминируют перераспределение или отношения престижа: реципрокация, потлач и т.п.

Африканская культура – социальная и политическая, пропитана традиционализмом и коллективизмом³³. Общество, оказываясь в плотном контакте с современностью, переживает культурный шок, люди испытывают перманентный стресс, приводящий к десакрализации мира, распаду привычных верований, кризису патерналистской модели взаимоотношений и последующей автономизации членов общины, системной трансформации ее институтов. В подобных обстоятельствах непросто удержать основания культурной идентичности, адекватное оригиналу содержание. Задача осложняется еще и тем, что универсальные характеристики традиционного общества *per se*, нередко воспринимаются, трактуются и позиционируются как специфические свойства именно африканской культуры.

Дихотомия. Колониальный модус управления по своей сути разделен на «две формы под единой гегемонистской властью» [Mamdani 1996: 353]. Одна система, юридически либо фактически, действовала для европейского населения колоний, другая – для туземного. Первая располагалась в основном, но не исключительно, в городских центрах, другая, племенная, действовала преимущественно в сельской местности. Это разделение в целом совпадало с другими социокультурными различиями и практикой сегрегации между европейскими «гражданами» и африканскими «подданными».

³¹ *Социальный код, социокод* – семантический алгоритм и семиотическая оболочка, фиксирующие базовые смыслы общества, определяющие его характер. «С помощью социокодов оформляется, то есть приобретает и сохраняет форму, вся социокультурная информация человеческих обществ. Использование социокодов обеспечивает общение в обществах с пониманием индивидами друг друга, а также с возможностями накопления и передачи значимой социальной информации следующим поколениям» [Петров 2004: 39]. Социокод динамических систем в чем-то подобен геному биологических организмов.

³² Вопрос, насколько неизбежность подобного перехода связана со столкновением культур, а насколько с закономерностями экономического развития. Рост производства, его интенсификация существенно влияют на социальную палитру и балансы общества. Экспортные возможности континента дополнялись растущей емкостью рынка сбыта, а затем совмещались с экспансией сюда промышленного производства. Подобный переход сам по себе вызывал кризис. Ср. с «Великой депрессией» в США, связанной с (а) исходом людей из сельскохозяйственных районов в города (как результат индустриализации); (б) инновационным прорывом в промышленности, резким увеличением товарного производства, сокращая спроса на рабочие руки при дефиците новых рынков сбыта и наличии торговых барьеров. Распад колониальных империй (деколонизация) отчасти решала проблему, глобализация – снимала ее.

³³ Сакральность общинного мироустройства, доминирование коллективного над индивидуальным, семейного над личным, цикличного над поступательным и в целом слабое восприятие времени, отрицание будущего как перемен, сословность, иерархичность, социальная пассивность, потестарность, патернализм и т.д. См. [Катагощина 2008: 430–447].

Развитие, конечно, не тождественно ассимиляции традиционных культур современным укладом. Но расовая сегрегация, трансформируясь в новые разделения, генерировала оригинальные социальные тексты, прочитываемые и трактуемые иначе, нежели простое различие между городским и сельским населением Африки. А городское общежитие, являясь синтетическим пространством взаимного, хотя и асимметричного влияния, порождало не только гибридные «слободские» структуры³⁴.

Трансфер. Город притягивает, завлекает, разочаровывает и активизирует. Инфильтрация сельского населения в городские агломерации нередко болезненна, но остается перманентно-поступательной. Уязвленность, сопровождающая вхождение слобожан с традиционной ментальностью в лабиринт городского («современного») сообщества, подчас принимает острые формы, подобно следствиям родовой травмы. И сопровождается, следуя логике аффектов и аллюзий, спасительным для мятущейся психеи бессознательным переносом – адаптацией общинных практик к иной среде в попытке удержать и, по мере сил, воспроизвести привычные для городских неофитов структуры повседневности, тип межличностных связей, нормы поведения, прочие параметры жизни, характерные для традиционного мира.

Знакомые ритуалы и практики, модифицируясь, подчас образуют симбиоз с современными институтами («индигенизация модернизации»), создавая синкретичные форматы либо прямые симулякры, посредством которых коррумпированные открывшимися возможностями неотрайбалистский вождизм и механический коллективизм («роевое сознание») мимикрируют под институты современности, демонстрируя собственные версии «парламентаризма», «выборности», «разделения властей», другие имитационные ансамбли как следствие гражданской девственности масс. Иначе говоря, одновременно с современной социокультурной трансформацией происходит также трансфер традиционных практик в конструкции, воспроизводящие архитектуру современного строя, лишенную, однако, адекватного содержания.

Инициация. Становление горожанина связано с осознанием логики и регламентов городской среды как антитезы трайбалистскому габитусу. Социальное и политическое «взросление» ведет к усвоению иных моделей поведения (конкурентных, рыночных, проактивных) и освоению современных практик. Взаимодействие модернизационной социокультурной матрицы с формируемым ею человеком производит горожанина-гражданина, включенного в систему современных общественных связей. Все это предполагает прохождение сквозь персональный и общественный конфликт с альтернативной тенденцией: мимикрией вождизма, кронизма, непотизма под современные институты и процедуры. «Клановая государственность» подминает и подменяет собою общество, плодит химеры, социальные и политические, а в особо ярких случаях, фактически, демонстрирует версии институционального карго-культа³⁵.

Ускорение общественной и ментальной активности ведет к укреплению национальной идентичности и гражданской ответственности, продуцируя сознательный выбор социальной позиции и жизненной стратегии, преобладанию личных коммуникаций и персонализированных симпатий над племенной солидарностью. В процессе комплексной трансформации (модернизации) складывается средний класс,

³⁴ *Бидонвили, мусекешы, comunidades, фавелы* и т.п. – слободские сообщества, то есть примыкающие к городу, сливающимся с ним поселения, самострой, трущобы, населенные «новыми горожанами», преимущественно переселенцами из сельских районов.

³⁵ *Карго-культ* (англ. *cargo cult*, поклонение грузу) – имитация непривычных для местного населения практик иной культуры, транслирующая внешние формы предметов и процессов, однако наполняющая их собственным культурным содержанием.

вызывает гражданское общество, выстраивается политическая инфраструктура, предполагающая электоральную состязательность, партийное строительство, выборность и сменяемость ветвей власти. Создаются партийно-обезличенные, но культурно-аранжированные институты, в идеале ограничивая произвол властей и тиранию масс³⁶. Конкуренция, характерная для современного экономического строя (даже с примесью «рыночного трайбализма»), постепенно распространяется на другие формы организации социума, включая как местное, так и государственное управление.

Кризис. Растет напряжение, подвергая испытанию жизнестойкость институтов, выстроенных в соперничестве с неотрайбалистской стихией. Гибридная природа постколоний по-своему легитимизирует трансляцию племенного вождизма и коллективизма в патримониальный этатизм и партийную корпоративность³⁷. Результатом конфликта может стать авторитаризм, системная коррупция и «силовой маркетинг»: использование силовых рычагов в политических и коммерческих интересах, доминируя как над избирательными процедурами, так и рыночной деятельностью. Состязание незавершенного современного уклада с имитирующим его внешние признаки автоколониальным строем способно привести к острым конфликтам и даже их цепной реакции, включая внутриэлитные столкновения и этно-племенные коллизии. Обострение ситуации может инициировать поединок коррумпированных «ретиариев» с силовыми «мурмиллонами», провоцируя волнения трибун, поддержанные любой из системных и внесистемных оппозиций. В перспективе это ведет к закреплению нового баланса сил либо обрушению достижений модернизации и неоархаизации общества.

Разрешение. Тут возможны варианты. При позитивном в целом разрешении кризиса, закреплении в основном властных полномочий народа и норм современной государственности сокращается влияние вождистских, этно-клановых образований и связанных с ними силовых структур. Происходит компрометация и девальвация патронажно-клиентальной системы лояльности иерархий, сложившейся на основе частного и произвольного перераспределения национальных богатств. Деструкция политических псевдоморфоз и деконструкция гибридов снижает уровень обременения молодой нации экстрактивными институтами. Постколония, очищаясь от химеричных образований, обретает моральную и институциональную устойчивость, повышает субъектность, а на основе общественного консенсуса разрабатывается национальное целеполагание и культурно обоснованная стратегия инкультурации и модернизации. Происходит умножение публичных коммуникаций, растет спрос на социальные, интеллектуальные, финансовые, информационные, образовательные услуги, осваиваются продуктивные форматы деятельного соприсутствия в мировой среде.

Либо же власть еще плотнее концентрируется в руках коррумпированной патримониальной автократии или склонного к прямому насилию «силового рынка», идеократически мотивированной или конфессионально-политизированной хунты – процессы, сопряженные с обострением этнических конфликтов и межплеменных

³⁶ *Свобода* – экзистенциальное состояние; *освобождение* – процесс, требующий усилий. Стремление к большей свободе может ограничиваться оптимизацией текущей ситуации: апгрейдом фасада и косметическим ремонтом либо перерождаться в тягу к разрушению. Состояние перед транзитом напоминает положение витязя на распутье: принудительную инициацию посредством «меню» на роковом камне, предлагая выбор между *пре-*, *кон-*, *де-* или *пост-*фигурациями, проявляющий характер субъекта и траекторию его судьбы. Ср. толкование данных фигураций в работах Маргарет Мид [Mead 1978]; или у Йозефа Гантера: [Гантнер 2014]. О роли префигураций при политической реконструкции см. [Неклесса 2023а].

³⁷ Ср. к примеру, опыт квази-партийных, а фактически межплеменных коллизий, в становлении политической системы Зимбабве (машона *vs.* матабеле), да и в историях ряда других стран континента.

раздоров. Для легитимации подобных мер нередко используются модифицированные образы врага, эксплуатируется «опасная ностальгия» (Мартин Кимани) – обращение к мистифицированному прошлому, квази-религиозный утопизм либо, напротив, сумрачные нарративы. При этом извлекаемый из коллективного бессознательного «миф всегда рядом и лишь прячется во мраке, ожидая своего часа. Этот час наступит, когда все другие силы, укрепляющие социальную жизнь, по тем или иным причинам теряют свою мощь и больше не могут сдерживать демонические, мифологические стихии» [Cassier 1946: 60; цит. по Бочаров 2011: 94]³⁸.

Инфильтрация в политику трайбалистских регламентов закрепляет ресурсное протезирование технологической отсталости, пролонгируя экономическую инертность и удерживая постколонию в статусе страны-фактории [Неклесса 2023b]. Современные институты замещаются их подобиями, лишены содержания, адекватного декларируемым функциям, а хозяйственное развитие вытесняется «трофейной экономикой», снимающей со страны цивилизационную ренту [Неклесса 2019b]. Происходит дискредитация модернизации, сопровождаемая девальвацией ценностей современного общества. Социальное время тормозится, стагнирует и начинает течь вспять. Деграция политики, попавшей в подобную инволюционную петлю, рискует перейти в дезинтеграцию, ведя страну к той или иной форме «сомализации»³⁹.

Данная перипетия имеет и собственный дальний горизонт. Мировой андеграунд, осваивая дестабилизированные территории Глубокого Юга, капитализирует эманации «культуры смерти»⁴⁰. Подобное образование может обзавестись деструктивно-производственным укладом сродни былым «пиратским республикам», экспортируя хаос, реализуя производство специфических товаров, услуг, технологий вместе с их кадровым обеспечением и аутсорсингом операций криминального и военно-террористического толка, обустривая логистику, воздействуя на критическую инфраструктуру, средства коммуникаций, морские/сухопутные коридоры, нефтегазовые артерии и т.п.

Современность, как видим, не является совершенным или завершенным проектом. Механика цивилизационного перехода совмещает потенции ускоренного развития («углубления деколонизации») либо пассивной адаптации к переменам с

³⁸ Современная ментальность воспринимает зло антропологично, *a la carte*, то есть феноменологично, а не онтологично, хотя его имманентность порядкам земного бытия запечатлена в самой природе. Склонность же людей к господству или, напротив, к эксцессам ресентимента vs. согласие с подчинением, делает проблематику предельных («злых») реакций предметом политической антропологии. Особенно в конъюнктурной ориентации на исследование систем «политики, власти, идеологии в колониальных и постколониальных обществах» [Крадин 2011: 80].

³⁹ Узурпация власти, лишая граждан политической субъектности и динамичного консенсуса, вместо развития нации-в-становлении провоцирует ее деграцию и внешнюю, хищническую коллаборацию. Нивелируя конкуренцию публичных коммуникаций, ограничивая общественное взаимодействие производственным, клановым, семейным окружением, гасит деятельное разнообразие, а вместо модификации племенной общности в гражданскую солидарность утверждает фактическую отчужденность, дезинтеграцию, сепаратизм. И производит раздор, бунт или социальную аномию.

⁴⁰ Экзальтированный ресентимент, поднимаясь из психологических глубин, претендует на земные воплощения: «В катакомбах Крайнего Юга формируется зона <...> чей козырь и неотчуждаемый ресурс – поставленная на кон и эффективно разыгранная смерть. <...> Культура смерти – выходящая из глубин подсознания в пространства общественной практики тяга к массовой деструкции и автодеструкции. Тяга, носящая порой иррациональный характер, однако использующая достижения современной цивилизации и воплощаемая в широком диапазоне <...> Социальное время начинает обратный отсчет, а в обществе нарастает предчувствие макабрической цивилизации – неведомой прежде эпохи, когда смерть становится главным импульсом, ценностно-насыщенным, социально и культурно разработанным содержанием жизни. И уже не самоорганизующиеся очаги порядка, а спонтанные, необузданные всплески критичности будут определять треснувший земной ландшафт» [Неклесса 2006a] или подробнее [Неклесса 2006b].

вероятностью инволюционных и деструктивных проявлений (см. рис. 2). К тому же проблематика, связанная с трансформацией Африки, сегодня осложняется кризисом мировой ситуации – родовыми схватками постсовременного строя и генезисом нового мироустройства. Дефицит опыта государственного строительства, незавершенность модернизационного процесса, этнические и конфессиональные нестроения, конфликт культурных традиций с современными инициативами дестабилизируют африканский мир. Вместе с тем формирование социальной мобильности, гражданские инициативы, критическое самоосознание, саморазвитие людей и сообществ влияют на устойчивость новых суверенов в бурных водах переживаемого Африкой транзита.

«Иные» как агенты перемен

Цивилизация – институциональная и инструментальная оболочка антропологической популяции, помогающая развиваться и действовать креативному меньшинству – катализатору перемен⁴¹. Смена эпох активизирует определенный круг идей и людей, «всеобщее является результатом частных и определенных интересов» [Гегель 2014]⁴². На проактивных направлениях истории и в пространствах творческой мысли происходит «зарождение то тут, то там нового интеллектуального и политического сознания» (Эдвард Саид [Цит. по: Африка...2020]), создавая перспективные направления социальной теории и оригинальные формы политического активизма.

Претензия на будущее зависит от обладания настоящим и уровня субъектности. Зависит, но не исчерпывается – требуется фермент брожения (инакость как субъектность будущего). При всех вариантах динамики постколониальность оказывается важным элементом той силы, которая влияет на траекторию и результат цивилизационного транзита. Причем не только в локальных рамках постколоний, но и в глобальном измерении. Проявляться это воздействие может по-разному: помимо политических изменений планетарного ландшафта, речь все чаще заходит о демографических, этно-расовых, конфессиональных метаморфозах, «расцветивании наций и культур», ревизии современных институтов и содержания мирового консенсуса.

Регламенты и процедуры, направленные на удержание динамической гармонии, не справляются с изменчивыми обстоятельствами. Обыденный ум устает разгадывать разночтения практики, среда иррационализируется, затуманивая восприятие. Экзерсисы и эксцессы постколониальности, обретая телесность властного действия, вскрывают

⁴¹ Диапазон происходящих перемен весьма широк. Помимо общих рассуждений о Постсовременности, вспоминается замечание Карла Ясперса о вероятности «Второго осевого времени» [Ясперс 1991: 113–114]. Или же более сдержанные рассуждения, например Ульриха Бёка, о «другой Современности» [Бек 1992]. Выбор историсофской позиции отчасти связан с ответом на вопрос насколько история в своих основаниях рациональна, трансцендентальна или же трансцендентна? Ее рациональность мы признаем, исследуя связь событий с позиции теории сложных систем. Мы имеем дело также с трансцендентальным пониманием истории как антропологического аспекта времени. Наконец, трансцендентность проявляется, когда задумываемся над телеологическим *замыслом* и метафизическим *смыслом* истории (к примеру, в координатах христианской культуры, где ее генезис обоснован ситуацией «первородного греха», что бы это ни означало). Здесь она осмысляется как деятельный поиск и реализация пути *избавления от истории* как изживаемого обременения (продвижение тут инверсивно, поскольку является по сути возвращением).

⁴² «Мы видим, что цивилизация проходит стадии роста в виде тактов Ухода-и-Возврата творческого меньшинства. Меньшинство уходит, чтобы найти ответ на брошенный вызов, противопоставляя себя тем самым остальному обществу. Затем творческое меньшинство возвращается, чтобы убедить нетворческое большинство следовать за собой по дороге, которая им открылась <...> творческое меньшинство, его инициатива, энергия, решительность, обеспечивающая ему победу, рекрутируется из индивидуумов с самыми разными идеями и идеалами» [Тойнби 2002: 267].

противоречия повседневности, стимулируя желание трансформировать ее. Речь идет о человеке как таковом, его положении, достоинстве, естественных и позитивных правах, статусе личности. Нетерпимость к системе со множеством уровней и подвидов дискриминации ставит под сомнение ряд действующих социальных и юридических конвенций, меняя толкования и влияя на правоприменение. В мультирасовой и мультикультурной среде социальная динамика порой их прямо опровергает, пробуя заместить иными принципами права и нормами поведения (e.g. вокизм⁴³, DEI и т.д.⁴⁴), привлекая также венчурные производные от мировидения убунту⁴⁵ или – не без некоторого замешательства – элементы правовых регламентов уммы⁴⁶. Что, кстати, представляет состояние философии практики (особенно этики) и ее дисциплинарного корпуса (права) в невыгодном свете. Иначе говоря, делает их уязвимыми, а следовательно, всю данную область знания востребованной для углубленной рефлексии.

Нравственная гегемония, ее полнота и максимализм – ценностная ось борьбы воинствующей демократии⁴⁷ (в редакции обновленного прогрессизма) за искоренение прямого и косвенного насилия, супремасизма, шовинизма, патернализма, иных подвидов дискриминации и пренебрежения, сугубо функционального отношения к людям и другим живым существам (*smart decolonization*). Постколониальные мотивы и мотивации – в частности, устранение стигматов, рудиментов и даже призраков расизма, ставя, к примеру, целью достичь неразличения цвета кожи аналогично цвету волос (но есть и другие позиции) – уверенно присутствуют в интегральной стратегии морального

⁴³ Вокизм (от англ. *woke*, «пробужденный») – возникшее в США в прошлом десятилетии идеологическое течение, связанное с левой политикой, либеральными движениями, феминизмом, ЛГБТ-активизмом. Его последователи характеризуются обостренным вниманием к расовым предрассудкам, различным формам дискриминации, социально-экономическому неравенству, сексизму, ущемлению прав меньшинств, требуя деятельного осуждения и преследования сторонников подобных проявлений.

⁴⁴ Аббревиатура DEI: *diversity, equity, inclusion* (разнообразие, равенство, включенность), – общее название для комплекса практик, имеющих целью ликвидацию институционального неравенства меньшинств и достижение их равноправного положения в обществе посредством замещения классических либеральных практик позитивными правами, реконструирующими наличную действительность. Суть концепта – поскольку достижение равенства для всех групп в силу исторических причин затруднено, то, следуя принципу исторической же справедливости, угнетаемые в прошлом меньшинства могут претендовать на особые условия, чтобы обрести равенство с более привилегированными группами. Альтернативная точка зрения звучит примерно следующим образом: «свободу экспроприируют, но также конституируют бароны, плебеи в противостоянии угнетению склонны породить собственную тиранию».

⁴⁵ Убунту (яз. зулу) на языках банту обозначает «народ; человечество». Профессор Лавмор Мбиги определяет убунту следующим образом: «я могу быть личностью только через посредство других» [Mbigi 1997: 37, цит. по: Катагощина 2008: 432]. Толкуется концепт все более расширительно, отходя от изначального смысла как производного от принадлежности к племени с обортонами контроля и коллективной ответственности. В многочисленных интерпретациях подчеркивается, что понятие убунту содержит ценностный код, постулирующий общность, интересность и взаимосвязь людей с окружающей средой. Философия убунту («я найду себя в тебе, а ты найдешь себя во мне») в несколько модернизированном изводе получила популярность как направление этики – версии африканского гуманизма в русле коммунитаризма: «мы не можем быть гуманны в одиночку» (Десмонт Туту). Категория с 90-х годов обрела также идеологическую коннотацию народной идентичности, став, например, одним из публично декларируемых принципов Южно-Африканской республики.

⁴⁶ Умма – исламская общность, то есть, по сути, *наднациональная нация*, объединенная конфессией и историей. Отметим и не слишком неочевидное соответствие характерных черт уммы взыскуемой Марксом социальной субъектности, отрешенной от уз современного строя и нареченной стать его могильщиком.

⁴⁷ «Спасение абсолютных ценностей демократии следует ожидать не в её “отречении от престола” <...> а в преднамеренной трансформации устаревших форм и жестких понятий в новые инструменты “дисциплинированной”, или даже – не будем стесняться слова – “авторитарной”, демократии» [Лёвенштейн 2022].

рекодирования. «Другие» становятся синтетической категорией, совокупностью отличающихся по тем или иным параметрам меньшинств, исключаемых из социального оборота изгоев. Однако все чаще отказывающихся считать себя таковыми, создавая собственный арсенал неоднозначных, нередко критикуемых публичных инструментов прогрессистского активизма: политкорректность, обратная («позитивная») дискриминация, культура отмены, дегуманизация оппонентов, семиотический / семантический протест, техники *BLM*, *Je suis, for Good* и т.п.

Трактовки «африканства» как символического отражения и концентрированного выражения исторического изгойства, дилеммы самостояния-подчинения, опровержения субъект-объектных отношений плодятся и множатся. Но вот что важно. Борьба за права темнокожего человека, обретая вес, удерживает в фокусе общественного внимания тему прав и достоинства всей совокупности *иных* и *субалтернов*, придавая ей второе дыхание, развивая и делая частью мировой повестки (*wide decolonization*). Этот критический обертон перенастраивает какофонию конфликтного многообразия (со всеми сопутствующими издержками) в лейтмотив политической устремленности и палитру культурного разноцветия. Речь, в сущности, идет о балансах. Инакость «других», различия в образе жизни, ее целеполагании резонируют с исключительной природой жизни, свободой воли, трагедией смертной экзистенции и принципиальной новизной будущего. Исключенность сливается с исключительностью в русле комплексных перемен и претензии на персональный суверенитет.

Содержание протестных речей не всегда точно отражает резоны их произнесения. «Африканство» порой толкуется теоретиками и практиками активизма произвольно и расширительно, не только как метафора социокультурной позиции, психофизических свойств или приверженности радикально-демократической повестке. В эскизах предполагаемого миропорядка и на репетициях акционистских инициатив испытываются границы протестной сюжетности. Так в интервью журналу «*Libération*» упоминавшийся выше Ашиль Мбембе, отвечая на каверзный вопрос о категоризации определения «чернокожий человек» (было употреблено более жесткое слово – АН), гротескно обостряет тему, расширяя и радикализируя расовый интеграл, наполняя его классовым содержанием. И представляет, фактически, как актуальный извод марксовых «изгоев-пролетариев»⁴⁸: «Это класс, или раса, или определенная группа лиц, вне зависимости от цвета кожи, по отношению к которым прежнее различие между человеческим субъектом и вещью больше не работает. Все гораздо хуже: это люди, которые не нужны, это лишний класс, который ни один господин не желает держать при себе даже в качестве раба. Проблема не в том, что их эксплуатируют: если бы они даже этого захотели, то вряд ли на их труд нашелся бы спрос» [Мбембе 2016].

Постколониальность, будучи прочитана как актуальное толкование левой идеи в духе футуризма перманентной и глобальной революции⁴⁹ с позиции морального

⁴⁸ *Пролетарий* (*prō-lēs* [pro + alo кормить, питать]) – в древнем Риме человек, единственное достояние которого дети; и не имея имущественного ценза, существующий, фактически, вне организованного социума. Политический выбор Марксом «истинного пролетария» как субъекта будущего подразумевал ставку на их отчужденность от существующего строя, причем именно из-за отсутствия прочных связей с буржуазным миром (пролетарию «нечего терять»), и как следствие – открытость к переменам. Иначе говоря, для Маркса пролетарий именно в этом качестве потенциальный актер социальной префигурации.

⁴⁹ Ср. динамизм, пластичность, провокативность постколониальной/постсовременной социальной мысли с определением Марксом смысла истории как перманентной революции – непрекращающегося транзита популяции в стремлении избежать опредмечивания, воспринимаемого как отчуждение от самого себя и личностный коллапс: «Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом действительное

императива (не без политизированных специй), интегрирует установки постсовременного радикализма и деколонизальности [Mignolo 2011] с воззрениями раннего Маркса, обнаруживая так и не найденных им в недрах общества своего времени «истинных пролетариев» (замещенных в сценариях той поры «рабочим классом»). Неомарксистская ревизия данного концепта (Антонио Грамши, adeпты Франкфуртской школы), декларируя принципы культурной гегемонии, выдвинула на роль культур-агентов представителей интеллектуального класса⁵⁰. А ближе к нашим дням политическая гравитация «иных» (приправленная прекариатом⁵¹) была помножена на энергетику носителей отрефлексированных эманаций постколониального ресентимента и конфессиональной нетерпимости, образуя вкупе с манихейскими, миллениаристскими, эсхатологическими мотивами водоворот негативно-активных действий.

Антропологические потоки, соединяющие регионы, – это улицы с двусторонним движением; возникают эхо-эффекты, происходит взаимопроникновение социальных и культурных кодов. Агенты перемен совместными усилиями преобразуют или разрушают утрачивающие актуальность композиции, формируя собственную мультирасовую и трансграничную среду⁵². Но постколониальность, становясь влиятельным фактором совокупного футур-исторического действия, способна радикально переписать черновики грядущей эпохи. И не исключено, акцент в альтернативных сюжетах может сместиться на проскрипционный ресентимент и прочие дистопические метаморфозы. А очередное поколение субъектов будущего – предложить свою аранжировку исторической партитуры: реколонизацию и реконструкцию современной цивилизации симбиозом просвещенного интеллектуала-революционера Фанона с облаченной в хиджаб Вандеей.

Впереди угадывается кризис отношений, но уже внутри клана агентов вселенского переворота: между меньшинствами, устремленными к идеалам универсальной эмансипации, и обитателями бывшего «третьего мира», взламывающими глобальную экспансию не только социальные и культурные рубежи современности, но и влияющими на ее дальние горизонты⁵³.

движение, которое уничтожает теперешнее состояние» [Маркс, Энгельс 1955а: 34]. Или его же; «Все застывшие, покрытые ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, веками сложившимися отношениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устарелыми, прежде чем успевают окостенеть» [Маркс, Энгельс 1955b: 427] (парафраз «*panta rhei*»).

⁵⁰ Неомарксисты Франкфуртской школы, связав революционный статус субъекта перемен с молодежью и интеллектуальным классом, нашли тут и позитивный смысл. Любопытно, что еще в XIX веке Мицкевич характеризует Пушкина как человека «которого во Франции назвали бы пролетарием, но который в России гораздо менее, чем пролетарий на Западе; ибо, хотя Пушкин и был благородного происхождения, он не имел никакого чина в административной иерархии» (*Un ami de Pouschkine*. – *Le Globe*. 25.05.1837. Цит. по: Пётр Вяземский. Мицкевич о Пушкине. URL: <https://www.livelib.ru/book/161041/read-mitskevich-o-pushkine-petr-vyazemskij>) (дата обращения 02.03.2024). А затем на эту роль начинает претендовать постколониальный мир, но опять-таки, скорее, в негативном залоге непричастности и протеста. Подробнее см.: Неклесса А.И. «Новый амбициозный класс. Кто осуществит новую сборку мира» [Неклесса 2007] и Неклесса А.И. «Новый амбициозный план. Проекция и чертежи новой сборки мира» [Неклесса 2008].

⁵¹ *Прекариат* (англ. *precarious* – ненадёжный, неуверенный + *proletariat*) – люди, не имеющие полных гарантий занятости. Термин возник применительно к сезонным рабочим, обрел популярность после публикации в 2011 г. книги Гая Стэндинга «Прекариат: новый опасный класс» [Standing 2011].

⁵² «Твердость позиции, которую не в силах изменить ход проигрываемой битвы, – характерный признак правящего меньшинства распадающегося общества, контраст которого с подвижностью и многогранностью творческих меньшинств в развивающихся обществах разителен» [Тойнби 2002: 268].

⁵³ Не вдаваясь подробно в суть проблемы, отметим фуракационность исторического маршрута, его подверженность ускорениям, девиациям и флуктуациям. Из близкого по времени отметим, к примеру, развилки, связанные с избранием на президентский пост Буша vs. Гора, Байдена vs. Трампа, либо приход Путина vs. «Аксененко». Конвергентная эволюция стягивает к основному руслу дивергентные траектории.

Афроглобализм: «проект планетарного масштаба»

Глобализация воздействует не только на мировые связи, но и на структуры повседневности, на культурные, конфессиональные, демографические балансы и на социальную ментальность. В мире сложилась система глобального управления, базирующаяся на определенной политической семантике, правовых и финансовых регуляциях, институтах, нормах и процедурах⁵⁴. Венчурная же активность формирует транзиторные синтетические платформы. Одна из расхожих рационализаций процесса – предположение о замещении планетарной архитектуры асимметричными ансамблями Мирового Севера и Глобального Юга, но не как сплоченных идеолого-политических союзов, а достаточно амбивалентных и асимметричных макролатеральных комплексов.

Глобальный Юг – композиция зыбких и подвижных очертаний: страны и народы, реализующие обретенный или переутвержденный суверенитет с разной степенью успешности⁵⁵. Суммируя множество оттенков, конструкция совмещает политическую конъюнктуру вкупе с цивилизационной (культурно-исторической) мотивацией. Многоликие этно-конфессионально, расово и культурно неоднородные сообщества, «обладая богатыми энергоресурсами, масштабными рынками и мощным внутренним драйвером развития»⁵⁶, расценивают свои особые свойства – социокультурные, демографические, природные, климатические, одновременно как обременение и ресурс. «Южная туманность» антропокосмоса объединяет развивающиеся сообщества с индустриальным Востоком и растекающимися по планете антропопотокками, эксплуатируя возможность конвертировать исторические параллели и типологические сходства в способность влиять на формулу глобального управления. Специфической частью постколониального мира является также Глубокий Юг – распределенная по планете совокупность территорий, глубоко пораженных раздорами и асоциальной практикой.

Эпоха же, прозреваемая за изломами современного горизонта, как и зреющий в ее лоне антропологический конфликт, предъявляет ситуации возрастающей сложности,

⁵⁴ Мировой или трансграничный Север – различно толкуемый организм-в-становлении: интеграл развитых обществ, универсальных институтов и творческого фермента, совокупно реализующих реконструкцию системы глобального управления и прежней организации миропорядка, преодолевая кризис индустриальных (в широком смысле) кодов практики и бюрократизированных схем управления, адекватных своему времени, но не более сложному состоянию среды [Неклесса 2019b, Неклесса 2020]. Этот организм-в-становлении ориентирован на поисковую активность, опознание деятельностных пространств, освоение инновационных видов практики: а) генерирование высоких технологий, включая гуманитарные, юридические, финансовые; создание интеллектуальных хабов (технических, технологических, теоретических); разработку и производство перспективных (*advanced*) средств безопасности и господства над средой; вооружений и механизмов глобальной координации (информация-коммуникация-анализ-контроль-управление); б) формирование функциональной связности социально-политических ансамблей, дирекцию и редирекцию антропопотокков, аккумуляцию нематериальных активов: креативных, интеллектуальных, кадровых, социальных, символических [Неклесса 2021].

⁵⁵ Широко понимаемая постколониальность, развиваясь и распространяясь по планете, оказывается связанной со множеством генерируемых в мировой среде ситуаций и процессов эмансипации. Она важная составляющая цивилизационного транзита и один из важных акторов перестройки мироустройства, опорной характеристикой которого мыслится распределенное множество столичных («капитальных») терминалов и коммуникационных узлов, а определяющей – сложноорганизованная, суверенная личность.

⁵⁶ О своем видении «реформирования системы глобального управления и формировании сообщества единой судьбы человечества» на основе «укрепления комплексного, системного планирования и согласованного продвижения, координации глобальных действий, мобилизации ресурсов разных сторон в целях достижения больших осязаемых результатов, путем практического сотрудничества, преодолевая задержки и фрагментации управления» говорил (с позиции потенциального лидера Глобального Юга) председатель КНР Си Цзиньпин на саммите ШОС плюс в Тяньцзине 01.09.2025. Синьхуа новости. URL: Полный текст выступления Си Цзиньпина. [_Russian.news](#). (дата обращения 02.09.2025).

заметно запутанней и парадоксальней конвенциональных представлений и прогнозов. Сегодня, когда мир вполне ощутил тектонику цивилизационного транзита и меняется, физическая и символическая «темнокожесть» становится социальным капиталом инициативного класса – эклектичного сообщества, занимающего важную позицию в значимый момент истории. Перемещаясь по нехоженным тропам футур-истории, постколониальность перезагружает маршрутизатор мейнстрима, продуцируя «свободных радикалов», отлученных от стран и весей. Совокупная страта включает растущее население территорий, добившихся статуса суверенов, приливные волны беженцев, экономических переселенцев, их потомков, расселившихся по планете уже в нескольких поколениях (а в перспективе еще экологических и климатических мигрантов). В разной степени влиятельности они представлены в международных организациях, академическом мире, культурном пространстве планеты, государственных структурах и предпринимательских кругах бывших метрополий. Все это, скорее, признаки «переселения народов», нежели «маргинальной гибридизации» либо дискутируемой «утечки мозгов»⁵⁷, подтверждая мысль о пришествии нового субъекта перемен.

Количество – особого рода качество. Аккумулируя культурное и расовое многообразие, заполняя демографическую емкость планеты, «темнокожесть» трансgressирует африканство, афро-американизм, афропейство, становясь многоликим и влиятельным агентом исторического процесса. Воздействуя на международную и внутривластную повестку в парадоксальным образом, реколонизируемом мире (речь идет как о влиянии новых избирателей, так и о переменах в составе населения в целом). Результат – присутствие в управленческом корпусе крупных стран Севера широкого спектра фигур, чей генезис в немалой степени обязан этой динамике, причем вне прямой связи с их политической ориентацией: Барак Обама, Камала Харрис, Зохран Мамдани, Хаким Джеффри, Талси Габбард, Кашьяп Пател, Никки Хейли, Вивек Рамасвами, Кондолиза Райс, Ллойд Остин, Колин Пауэлл, Чарльз Куинтон Браун, Линда Томас-Гринфилд, Кеми Баденко, Риши Сунак, Хамза Юсуф, Садик Хан, Дэвид Лэмми, Шабана Махмуд, Найджел Фарадж, Прити Пател, Карим Ахмат Хан и т.д. Результат – авторское соучастие *people of color* в сюжетах цивилизационной навигации.

Пришествие в мир постколониальной инициативы знаменует не только модификацию электората даже при отсутствии единства места, времени и действия. Рассеянное по планете множество трансграничных акторов, их гибридная идентичность, гибкие связности, номадизм, цели – все это «новые линии, проводимые поверх прежних границ, наций и сущностей, [которые бросают вызов – АН] глубоко статичному пониманию идентичности <...> когда человека определяют через нацию» [Саид 2012: 31]⁵⁸. Тайе Селаси, провозвестница идеи афрополитанизма (африканского космополитизма) следующим образом охарактеризовала свою комплексную идентичность: «я не знаю, откуда я! Родилась в Лондоне. Мой отец из Ганы, но живет в Саудовской Аравии. Моя мать – из Нигерии, но живет в Гане. Я же выросла в Бостоне» [Tuakli-Wosornu 2008: 36]⁵⁹. Амбиции и декларации темнокожих космополитов [Mbembe

⁵⁷ Brain Drain Costs Africa Billions – BBC News. World: Africa. 2001-10-17. URL: BBC News | AFRICA | Brain drain costs Africa billions (дата обращения 14.02.2024).

⁵⁸ Ср. «Живут они в своем отечестве, но как пришельцы; имеют участие во всем, как граждане, и все терпят как чужестранцы. Для них всякая чужая страна есть отечество, и всякое отечество – чужая страна». Св. Иустин-философ и мученик. Послание к Диогнету – Творения. М.: Паломник, 1995. – С. 384.

⁵⁹ Ср. Владимир Набоков: «Я американский писатель, рожденный в России, получивший образование в Англии, где я изучал французскую литературу перед тем, как на 15 лет переселиться в Германию». URL: <https://www.culture.ru/literature/poems/author-vladimir-nabokov> (дата обращения 14.02.2024). Глобальные

2017: 102–107], освобождение сознания от оккупации прошлым и моральная рекреация позволяют утвердить в мире вероятностей и возможностей собственную полихромную идентичность как социальную константу. Можно вспомнить размышления о «глобальной Африке», в частности, в трудах упомянутого ранее политического философа Али Мазруи, в которых в зависимости от ситуации на континенте менялись и тональность. и само содержание, смысл данного мема, то проникаясь духом афропессимизма («Глобальная Африка: от аболиционистов к репарационистам» [Mazrui 1994]), но возникая затем уже в позитивном залоге («От кораблей невольников к космическим кораблям» [Mazrui 1999]). Многообразие ситуаций, связанных с жизнью поверх государственных границ и этнонациональных барьеров, отчуждение от трайбалистских искусов и императивов стимулируют самореализацию и самопознание, предоставляя определенные преимущества эволюции. Вместе с тем отношения афрополитов с исторической родиной отличаются некоторой двусмысленностью, за что они подвергаются критике и вынуждены оправдываться: «Наша обязанность – использовать полученные на Западе знания для того, чтобы помочь Африке справиться с трудностями, поскольку, как гласит пословица ибо, “стыдно не безумцу, а его родственникам, слышащим насмешки”. Нас судят по нашему происхождению. Мы неофициальные послы нашей культуры. И до тех пор, пока не будет достигнут баланс между развитием Африки и Запада, нас будут воспринимать как слабых вне зависимости от вклада в мировой прогресс» [Virtual African Diaspora Manifest... n.d.].

Общность и влияние декополитов («деколонизированных космополитов») масштабируются экспансией популяции, наполняющей землю. Испытывается способность цивилизации как организующей силы трансформировать и преобразить протееобразную среду. В атмосфере нахлынувшей новизны могут существенно и радикально меняться культурные, конфессиональные, профессиональные профили объединенных наций, влияя на параметры миропорядка, цели развития, характер перемен. Смещение демографических балансов – это не миграции в привычном понимании, но транзит между эпохами, эмиграция к иному состоянию мира. Происходящее – сполохи выразительных предчувствий, прихожая необжитого здания динамично разделенной полигональной архитектуры, опирающегося на распределенное множество различным образом культурно аранжированных «стольных градов» – ризому хабов и узлов подвижного мироустройства⁶⁰. Обитатели прежнего здания цивилизации, будучи вовлеченными в этот грандиозный переезд, готовятся либо соучаствовать во вселенской реновации, либо противостоять ей или просто адаптироваться.

Обращая былые обременения в ресурс, «глобальная Африка» – от национальных суверенов до влиятельных представителей афрополитанизма⁶¹, переселенцев, пионеров и беглецов, преодолевая ограничения современного миропорядка, использует транзит как своеобразный трамплин, умножая и расцветившая состав разноликого и трансграничного сообщества. Процесс дополняется многообразием диаспор, глобальных племен, коммуникаций, партнерств и соперничеств. Демонстрируя подчас взрывное

диаспоры и пионеры нового стиля жизни в подвижной среде – это не бездомные сквоттеры, а проактивные кочевники, открывающие эпоху (транс) географических открытий с персонализированными картами мира.

⁶⁰ Трансграничная среда антропокосмоса, опираясь на растущую сеть (*filament*) транспортных и виртуальных коммуникаций, концентрируется вокруг влиятельны структур: городов, официальных и неофициальных столиц («столов») нового строя жизни (см. [Некlessа 2020: 158–159]).

⁶¹ Концепт *афрополитанизма* – «африканского космополитизма», используется и определяется различным образом, отражая причудливые жизненные траектории членов африканской диаспоры. Приобрел популярность в 2005 г. после публикации эссе «До свидания, Бабар» Тайе Селаси, дальнейшая разработка категории представлена в трудах профессора Ашиля Мбембе.

воздействие на среду, декополиты активируют пеструю общность, которая декларирует претензию «завоевать мир». Так сбывается предвидение Альфреда Сови, пророчески писавшего о роли «третьего мира», потенци которого он сравнивал с «третьим сословием» – силой городской революции, отправившей некогда на свалку истории феодально-сословный миропорядок: «Этот третий мир, игнорируемый, эксплуатируемый, презираемый подобно третьему сословию, теперь тоже хочет быть чем-то» [Sauvy 1952: 14]. В каком-то смысле история повторяется.

В рассмотренном выше сюжете речь в большей степени шла о становлении новой исторической субъектности в категориях силы и влияния, ее противоречивом характере и потенциале, нежели о динамике планетарной архитектуре [см. Неклесса 2023b]. И еще – о размывании декартовской рациональности. Политический аспект этой миростроительной мускулатуры – *ингрессия* (Александр Богданов): погружение комплексного персонажа в поток перемен и обретение им активного соучастия в трансформационных процессах, образуя «цепные связи», проецируя в утрачивающий прежнюю связность мир собственную сценарную инициативу (*play, plan & vision*). Дальний же рубеж – возможность слияния популяции деколонизированного космополитизма с глубинными ренессансными токами, интегрируясь в драматургии транзита с облачными сообществами неопределенного территориального генезиса и аналогичной лояльности⁶². В конечном счете постколониальность, обозреваемая сквозь разноцветную призму глобальной перестройки – «это фрактальный⁶³ извод постсовременности. Или, иначе говоря, постсовременность есть универсальная постколониальность (точнее, они когерентны)» [Неклесса 2022: 130]. Результирующая же интерференция волн постколониальности – ее принадлежность к постсовременной суперпозиции, обретает черты «проекта планетарного масштаба» [Мбембе 2008].

Широкая, долгая дорога несет на себе следы запутанных маршрутов, парадоксальных переходов, причудливых пересечений. Али Мазруи, обыгрывая изначально принадлежавший Испании, а затем перешедший к Великобритании титул «империи, над которой никогда не заходит солнце» («*el imperio en el que nunca se pone el sol*»), на исходе XX века по-своему переписал этот мем, радикально изменив тональность и сместив акценты: «Задолго до рабства мы жили в одной огромной деревне, называемой Африка. Затем пришли чужеземцы и увели многих из нас, рассеяв по земным градам и весям. До прихода чужестранцев та деревня была для нас миром, и другого мы не знали. Сейчас же расселились настолько широко, что солнце никогда не заходит над потомками уроженцев Африки. Теперь весь мир наше жилище, и в самом ближайшем будущем мы собираемся сделать его человечнее» [Mazrui 1986].

⁶² Преодоление природных ограничений и прорыв социального горизонта – суть футур-исторической навигации. Расширение и усложнение антропологической вселенной подразумевает естественным пределом не количественный рост артефактов и не перманентное увеличение популяции, влекущие исчерпание окружающего пространства, предъявляя конкурентное прочтение мира. Приток энергии аккумулируется и реализуется в не имеющих вынужденных ограничений сложных взаимодействиях, видовых разделениях, личностном росте и качественных переходах – сдвигах уровня организации. Усложнение архитектуры антропокосмоса в любой точке, увеличивает «как бы вглубь» его размерность. Осознание индивидом персонального развития, самосозидания как навигатора жизненной программы или экзистенциального императива – лейтмотив эмерджентной партитуры, продолжающей усложняться в процессе исполнения, следуя за движениями невидимой руки дирижера исторической симфонии.

⁶³ *Фрактал* (от лат. *fractus*, дробленный) – множество, обладающее свойством самоподобия, то есть повторяющее форму при изменении масштаба. Термин ввел в научный оборот французский математик Бенуа Мандельброт. Используется в математике, а также при описании различных природных и социальных явлений, позволяя моделировать сложные структуры и взаимосвязи. Подробнее о фрактальном соотношении постколониальности и постсовременности см. [Неклесса 2022].

Заключение

Подведем итоги. В антропологическом космосе во всех областях – социокультурной, политической, экономической, происходят перемены, качественные и количественные: цивилизационный транзит к иной форме организации. Социогуманитарные дисциплины также оказались в ситуации эпистемологического поворота, модифицируя методологическую оптику и расширяя поле исследований. Важным элементом процесса становится зонтичная категория «постколониальность».

События Нового и новейшего времени при всех трагических изломах современной истории прочертили вектор универсальной эмансипации: суверенизации народов и признания достоинства человека. Постколониальность – одна из граней перемен, и хотя колониальность как феномен и проблема продолжает существовать в мире, борьбу за политический суверенитет замещает идея глубинной деколонизации людей и сообществ. Преодолевая барьеры природной, социальной, моральной угнетенности, постколониальность оказывается органичным компонентом продвижения к комплексному мироустройству, определяющей характеристикой которого мыслится сложноорганизованная, обладающая эмпатией суверенная личность⁶⁴.

Гибридный характер транзита в постколониях осложняется феноменом автоколониальности: узурпацией власти автохтонными правителями, продлевающими практику присвоения национальных богатств и эксплуатации населения, образуя режимы, в которых патримониальный неотрайбализм, авторитарный вождизм, клановость, nepотизм мимикрируют под современную политическую организацию, воспроизводя фасад демократических институтов, но лишая их соответствующего содержания. В ряде случаев независимость оказалась трамплином для диктатур. Одновременно модернизационная инициатива порождает нового человека, и влияя на модели поведения, изменяя их, стимулирует становление гражданского общества. При благоприятном развитии процесса происходит укрепление национальной идентичности, формируется средний класс, выстраивается современная политическая инфраструктура.

Одна из гипотез о складывающемся мироустройстве – формирование асимметричных латеральных ансамблей Мирового Севера и Глобального Юга. Параллельно образуется пока еще тонкая трансграничная оболочка планеты из дисперсных номадических сообществ различного толка, не укладывающихся в прокрустово ложе географической локализации и национальной государственности. «Сетевой космополитизм» укрепляет солидарные позиции инициативных агентов перемен, продуцируя антропоток, совокупно деколонизирующие и по-своему реколонизирующие Современность. История *people of color*, пройдя долгим маршем колониальности/деколонизации/эмансипации, в прихожей нового века приблизилась к непростому синтезу с рассеянной по планете постсовременностью.

⁶⁴ Об АС-структурах – персонализированных венчурных организациях как гипотетичном феномене в становлении, см. отчеты научно-исследовательских проектов: «СИНЛА: Перспективы АС (антропологической и социальной) трансформации в современном мире» (грант Центра наук о человеке АН СССР, 1990) и «Новые измерения АС (антропологических и социальных) пространств: прогноз развития» (грант Института философии АН СССР, 1990). Социальное развитие в контексте Большой истории сопрягается с языком природы, а история человечества рассматривается как системная эволюция, подразделяясь на *ретро-историю* (сущее/действительное) и *футур-историю* (должное-вероятное-возможное). История оперирует событиями, футур-история – тенденциями, познанными закономерностями эволюции, которые, однако, пребывают в состоянии суперпозиции до своего воплощения (декогеренции). Возникающая инакость оказывается очередной фазой усложнения социальных взаимодействий и перемены координат сознания (подробнее см. [Некlessа 2021]).

Близость к неизвестному расширяет диапазон представлений о будущем, множатся сценарии его оккупации, гипотезы о расхождении футуристической перспективы. В конечном счете история – это, скорее, не социальная, а развернутая во времени нравственная антропологическая коллизия (Кант vs. Конт:). Постсовременность же, делающая ставку на творческий фермент, и экспериментируя с разнообразием форм самоорганизации и самореализации, оказывается в симбиотическом союзе с постколониальностью, являющейся, фактически, ее фрактальным изводом. Сегодня былые обитатели третьего мира, обращая прежние обременения в ресурс, осваивают планету, образуя коалиции конструктивного/деструктивного толка, и обретая стратегическую субъектность, перехватывают историческую инициативу.

Литература / References

Африка: постколониальный дискурс. Коллективная монография / отв. ред. Гавристов Т.М., Хохолькова Н.Е. 2020. М.: Институт Африки РАН. 248 с.

Беньямин В. 2000. О понятии истории. – Новое литературное обозрение. № 46. С. 81–90.

Боулс Ч. 1956. Новые проблемы мира. Вып. 2. М.: Изд-во Иностран. литературы. 206 с.

Бочаров В.В. 2011. Субдисциплина: политическая антропология. – Полис. Политические исследования. № 6. С. 92–103.

Бурдые П. 1998. Структура, габитус, практика. – Журнал социологии и социальной антропологии. № 2. С. 44–59.

Гавристов Т.М., Хохолькова Н.Е. 2022. Постколониальная эпистемология: африканские «регистры». – Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т. 22, № 4. С. 688–699. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-688-699.

Гантнер Й. 2014. Догештальтные формы фантазии и их проявление в искусстве. – Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. Вып. 2 (14). С. 145–169.

Гегель Г.В.Ф. Философия истории. М: ООО ЛитРес. 2014. URL: <https://www.litres.ru/book/fridrih-gegel/filosofiya-istorii-8495998/chitat-onlayn/?page=3> (дата обращения 02.03.2024)

Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Руководитель проекта и отв. ред. А.И. Неклесса. / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. 2000. Вып.1. СПб.: Алетейа. 320 с.

Катагощина И.Т. 2008. Африка: личность в процессе трансформации. – Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций. Междисциплинарное исследование / Отв. ред. Следзевский И.В., Мосейко А.Н. М.: ЛИБРОКОМ. С. 430–447.

Ким О.В. 2014. Традиционное общество. – Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / ИВИ РАН. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон. С. 491–497.

Клочков И.С. 1983. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. Очерки. М.: Наука. 207 с.

Крадин Н.Н. 2011. Перспективы политической антропологии. – Полис. Политические исследования. № 6. С. 78–91.

Лёвенштейн К. 2022. Воинствующая демократия и фундаментальные права – Smart Power Journal. 14 ноября. URL: <https://smartpowerjournal.ru/loewenstein/> (дата обращения 14.02.2024).

Маркс К. 1955. Тезисы о Фейербахе. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 50 т. Т. 3. М.: Госполитиздат. С. 1–4.

Маркс К., Энгельс Ф. 1955а. Немецкая идеология. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 50 т. Т. 3. М.: Гослитиздат. С. 7–544.

Маркс К., Энгельс Ф. 1955b. Манифест Коммунистической партии. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 50 т. Т. 4. М.: Гослитиздат. С. 419–429.

Мбембе А. 2016. Франции трудно поспеть за меняющимся миром. – [Libération](https://liberation.fr). 1 juin. URL: <http://gefter.ru/archive/19621> (дата обращения 14.02.2025).

Некlessа А.И. 1993. Российско-африканские экономические связи в глобальном контексте: проблемы и тенденции. – М.: Институт Африки РАН. 58 с.

Некlessа А.И. 2006а. Культура смерти. – Азия и Африка сегодня. № 2 (583). С. 3–11.

Некlessа А.И. 2006b. Цивилизация смерти. – Эсхатологический сборник / Российская академия наук, Научный совет «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, Институт Африки РАН. / Отв. ред. Андреев Д.А., Некlessа А.И., Прозоров В.Б. СПб.: Алетейя. 2006. С. 531–549.

Некlessа А.И. 2007. Новый амбициозный класс. Кто осуществит новую сборку мира. – Политический класс. № 9 (33). С. 32–46.

Некlessа А.И. 2008. Новый амбициозный план. Проекция и чертежи новой сборки мира. – Политический класс. № 1 (37). С. 91–108.

Некlessа А.И. 2013. Прыжок лягушки. Кризис мировидения. – СИНЛА/ИНТЕЛПРОС. № 1 (18). 44 с.

Некlessа А.И. 2018. Кризис истории. Мир как незавершенный проект. – Полис. Политические исследования. № 1. С. 80–95. DOI: 10.17976/jpps/2018.01.06.

Некlessа А.И. 2019а. Мускулы войны и нервы мира: гибридная метаморфоза. Методологические и прогностические аспекты постсовременного общежития. – Полис. Политические исследования. № 4. С. 149–164. DOI: 10.17976/jpps/2019.04.11.

Некlessа А.И. 2019b. Геоэкономическая формула мироустройства. – Мировой порядок – время перемен. Сборник статей / Под ред. А.И. Соловьева, О.В. Гаман-Голутвиной. / Российская ассоциация политической науки. М.: Аспект Пресс. С. 326–341.

Некlessа А.И. 2020. Приватизация будущего. Движение к новой семантике, концепции и практике мира. – Полис. Политические исследования. № 2. С. 153–166. DOI 10.17976/jpps/2020.02.11.

Некlessа А.И. 2021. Цивилизация как процесс: мультиплицированные субъекты Постмодерна. – Полис. Политические исследования. № 5. С. 39–55. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.04.

Некlessа А.И. 2022. Постколониальность как фрактальный извод постсовременности: предмет, методология, прогноз (К 70-летию статьи Альфреда Сوفي “Три мира, одна планета”). – Полис. Политические исследования. № 2. С. 130–144. DOI: 10.17976/jpps/2022.02.10.

Некlessа А.И. 2023а. Шестидесятники как потенциальный субъект социальной префигурации. – Политическая концептология: журнал меадисциплинарных исследований. № 1. С. 65–69. DOI: 10.18522/2949–0707.2023.1.6569.

Некlessа А.И. 2023b. Три глобуса Ойкумены. Эволюционная траектория антропологического космоса. – ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. Специальный выпуск «Эволюция». С. 4–25.

Некlessа А.И. 2024. На каком языке говорит история. Предвидение и планирование в протееобразной среде цивилизационного транзита. – Дайджест РАН. Информационный выпуск № 9 (23 февраля – 1 марта).

URL: <https://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=f77acad7-5f94-46ec-aa46-90582c0f3eb3> (дата обращения 02.03.2025).

Петренко Е.Л. 2003. Ю. Хабермас размышляет о модерне. – Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Изд-во «Весь Мир». С. 395–410.

Петров М.К. 2004. Язык, знак, культура. М.: Едиториал УРСС. 328 с.

- Саид Э. 2012. Культура и империализм. СПб.: Владимир Даль. 736 с.
- Сийес Э.-Ж. 2003. Что такое третье сословие? Аббат Сийес: от Бурбонов к Бонапарту. СПб: Алетейа. 64 с.
- Тлостанова М. 2020. Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация. – Новое литературное обозрение. № 1. С. 66–84.
- Тойнби А. 2002. Постигание истории. М.: Айрис-Пресс. URL: https://vk.com/doc4605748_444157068 (дата обращения 02.03.2025).
- Хокинг С., Млодинов Л. 2022. Высший замысел. Взгляд астрофизика на сотворение мира. М.: АСТ. 256 с.
- Энгельс Ф. 1957. Революция и контрреволюция в Германии. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. в 50 т. Т. 8. М.: Госполитиздат. С. 3–113.
- Ясперс К. 1991. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат. 527 с.
- Attali J. 1990. Lignes d'horizons. Paris: Fayard. 214 p.
- Beck U. 1992. Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage Publications. 260 p.
- Biko S. 2002. I write what I like: selected writings. Chicago: University of Chicago Press. xxxiii, 216 p.
- Cassier E. 1946. The Myth of the State. New Haven: Yale University Press. xii, 303 p.
- Eisenstadt S. 1966. Modernization, Protests and Change. Englewood Cliffs. Prentice Hall. 166 p.
- Eisenstadt S. 2000. Multiple Modernities. – *Dædalus. Journal of the American Academy of Arts and Sciences*. Winter. Issued as Vol. 129, № 1, of the Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences. Pp. 1–29.
- Foucault M. 1979. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. New York: Vintage Books. 333 p.
- Jameson F. 2000. The Jameson Reader / Ed(s). Hardt M., Weeks K. Oxford, UK; Malden, Mass.: Blackwell. ix, 408 p.
- Mafeje A. 1995. “Benign” Recolonization and Malignant Minds in the Service of Imperialism. – *CODESRIA Bulletin*. No. 2. Pp. 17-20.
- Mamdani M. 1996. Citizen and Subject: Contemporary Africa and the Legacy of Late Colonialism. Princeton, New York: Princeton University Press. 353 p.
- Mazama A. 2009. Naming and Defining: A Critical Link. – *Journal of Black Studies*. No 40 (1). Pp. 65–76.
- Mazrui A. 1986. The Africans: A Triple Heritage. A Commentary. Program 9: Global Africa – BBC Television Authority. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Nf25hZe1ZhE> (дата обращения 14.02.2024).
- Mazrui A. 1994a. Global Africa: from Abolitionists to Reparationists. – *African Studies Review*. Vol. 37. No 3. Pp. 1-18.
- Mazrui A. 1994b. Decaying Parts of Africa Need Benign Colonization. – *International Herald Tribune*, Pretoria, 4 August.
- Mazrui A. 1999. From Slave Ship to Space Ship: Africa between Marginalization and Globalization. – *African Studies Quarterly*. Vol. 2. № 4. Pp. 5–11.
- Mbembe A. 2001. On the Postcolony. University of California Press. 274 p.
- Mbembe A. 2008. What is Postcolonial Thinking? An interview. – *Eurozine*. 9 January. URL: <https://www.eurozine.com/what-is-postcolonial-thinking/> (дата обращения 14.02.2024).
- Mbembe A. 2017. Afropolitanism. – *Cosmopolitanisms* / Ed. by Robbins B. New York: NYU Press. Pp. 102–107.

- McLuhan M., 1964. *Understanding Media: The Extensions of Man*. New York: McGraw Hill. 318 p.
- Mead M. 1978. *Culture and commitment. The new relationship between the generations in the 1970's*. Columbia University Press. xx, 178 p.
- Mignolo W. 2011. *The Darker Side of Western Modernity: Global Futures, Decolonial Options*. Durham, North Carolina: Duke University Press. 458 p. DOI: 10.1215/9780822394501
- Quijano A. 2010. *Coloniality and Modernity/Rationality*. – *Globalization and the Decolonial Option* / Ed. by Mignolo W., Escobar A. London & New York: Routledge. Pp. 22-32.
- Rosenblum B., Kuttner F. 2011. *Quantum Enigma: Physics Encounters Consciousness*. New York: Oxford University Press. 281 p. (дата обращения 2.04.2024).
- Sauvy A. 1952. *Trois mondes, une planete*. – *L'Observateur politique, economique et litteraire*. No. 118, 14 août. P. 14.
- Standing G. 2011. *The Precariat. The New Dangerous Class*. Bloomsbury Academic. 198 p.
- Tuakli-Wosornu 2008. T. *Bye-bye, Babar (Or: What Is an Afropolitan?)*. – *The International Review of African American Art*. Vol. 22. № 3. Pp. 36-38.
- Virtual African Diaspora (VAD). *Manifest*. n.d. URL: www.virtualafricandiaspora.com (дата обращения 14.02.2024).
- Wallerstein I. 1991. *Does India Exist? – Wallerstein I. Unthanking Social Science*. Cambridge: Polity Press. 1991. Pp. 130-134.

Для цитирования: Неклесса А.И. 2025. Агентство перемен. Постколониальность в проблемном поле цивилизационного транзита. – ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. Специальный выпуск (2-е изд.). 48 с.

Неклесса Александр Иванович, председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН. Эл. почта: neklessa@intelros.ru. Scopus author ID 57191093038; ORCID: 0000-0002-7943-6856.

Аннотация. Методологической основой исследования является теория сложных систем. Образующие человеческой популяцией в процессе самоорганизации структуры («история», «мироустройство», «мировой порядок») рассматриваются как сложная система состояний и взаимодействий. Ее развивающаяся во времени и пространстве динамика нелинейна, периодически она переживает состояния хаотизации организации, образуя затем новые порядки. Сегодня в антропологическом космосе, в различных его областях происходят существенные, качественные и количественные изменения. Пришли в движение социокультурные платформы, меняются параметры экономической практики, политические регламенты миростроительства, демографическая размерность, этно-расовый и конфессиональный баланс жителей Земли. Подобное состояние можно охарактеризовать как цивилизационный транзит. Социогуманитарные дисциплины также оказались в ситуации эпистемологического кризиса. Расширяется сфера исследований, модифицируется инструментарий, переосмысливается номенклатура знания. Один из больших вызовов современности, междисциплинарное направление исследований, важный ориентир общественных движений – зонтичная категория постколониальности, которая становится рамочным понятием для ряда процессов, разворачивающихся на территориях как Глобального Юга («мировое большинство»), так и Мирового Севера. Африка, являясь частью универсальной трансформации, совершает комплексный переход: (а) от традиционного общества и его институтов к современному строю, то есть модернизацию; (б) освоение результатов деколонизации и усвоение плодов политической суверенизации; (в) реализацию присутствия в подвижной среде планетарного

сообщества. Феномен постколонии рассматривается как специфический тип государственности, отличной от классического национального государства (*nation-state*). Обретая политический суверенитет, постколонии нередко проходят сквозь горнило автоколониальности, этноплеменных и прочих нестроений в стремлении к подлинному национальному суверенитету. Подобно постсовременности и посткоммунизму постколониальность – это комплексная транзитная среда, которая трансgressирует многообразие природной и социальной угнетенности, представляя этап пути к трансграничному мироустройству, опорной характеристикой которого может стать распределенное по планете множество столичных («капитальных») терминалов и коммуникационных узлов («смарт-городов»), а определяющей – обладающая эмпатией, сложноорганизованная, суверенная личность.

Ключевые слова: эволюция, сложные системы, цивилизационный транзит, постсовременность, постколониальность, активизм, Африка, постколония, автоколониальность, афрополитанизм.

TRANSFORMATION AGENCY. POSTCOLONIALITY IN MYSTERY & MAZE OF THE CIVILIZATIONAL TRANSIT

Alexander I. Neklessa, SRF. Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

Alexander I. Neklessa, Chairman of the Commission on Social and Cultural Problems of Globalization, Academic Council "History of World Culture" at the Presidium of the Russian Academy of Sciences (RAS); Senior Research Fellow, Institute for African Studies, RAS.

Email: neklessa@intelros.ru. Scopus author ID 57191093038; ORCID: 0000-0002-7943-6856.

Abstract. The special issue of INTELROS Bulletin is devoted to the methodological and prognostic aspects of the phenomenon of Postcoloniality in a context of the current civilizational transit. The author analyzes the postcolonial situation as one of the «big challenges» of our time, the important ideological landmark of social movements and an interdisciplinary direction of research as well. In recent history, the former colonial world and its inhabitants: (a) have made and are making a complex transition from a traditional society to a modern social order; (b) harnessing the results of decolonization and gaining sovereignty; (c) active and effective co-presence in the global community. The transition from traditional ways of life to the modern system includes quite a number of turning points of political and socio-cultural transformation. A hybrid nature of postcolonial transition is often significantly complicated by the phenomenon of autocoloniality: the usurpation of power in already sovereign post-colony by rulers who continue practice of exploiting population and appropriating national wealth, forming a regime in which neo-tribalistic authoritarian leadership imitates a modern political organization, reproducing the contrafact façade of democratic institutions, but deprived from the original modern content. Today, various postcolonial issues are being identified in an increasingly wide range of phenomena and are becoming an influential factor, an essential element of the force that influences the formula and result of historical upheaval not only from the regional perspective of the former Third World, but also in the global perspective. In the expanding anthropological cosmos, while in process of changing its demographic dimension and ethno-racial balance, a numerous nomadic community is taking shape, which does not fit into the Procrustean bed of geographical localization and national statehood, moving towards synthesis with Postmodernity, strengthening the solidarity of integral cosmopolitanism, which decolonizes Modernity.

Keywords: evolution, complex systems, epistemology, transit of civilization, postmodernity, activism, agency, postcoloniality, Africa, postcolony, autocolonialism, aropolitanism.

For citation: Alexander Neklessa. 2025. Transformation Agency. Postcoloniality in Mystery & Maze of the Civilizational Transit. – INTELROS – Intellectual Russia. Special Issue (2nd ed.). 48 p. (In Russ.).

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ АВТОРА

Монографии, разделы и главы, сборники статей, брошюры

- Неклесса А.И. Три глобуса ойкумены эволюционная траектория антропологического космоса – Регионы в политике, политика в регионах / Политическая наука: Ежегодник 2023 / Российская Ассоциация политической науки [под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Р.В. Евстифеева, Л.А. Фадеевой]. – Москва; Пермь: ИЦ «Титул», ФГБОУ ВО «ПГНИУ». 2023. – С. 12–48.
- Неклесса А.И. Борьба за будущее. Методологические и прогностические аспекты цивилизационной конкуренции. – Цивилизационные альтернативы Африки. Т. 3 / Отв. ред. Следзевский И.В. – М.: Институт Африки РАН. 2020. – С. 15–43.
- Неклесса А.И. Мультиплицированный суверенитет. Постколониальность как фрактальный извод постсовременности. – Африка в условиях формирования полицентричного мира. / Отв. ред. Волков С.Н., Дейч Т.Л., Ненашев С.В. – М.: Институт Африки РАН. 2020. – С. 18–27.
- Неклесса А.И. Геоэкономическая формула мироустройства. – Мировой порядок – время перемен. Сборник статей / Под ред. А.И. Соловьева, О.В. Гаман-Голутвиной / Российская ассоциация политической науки. – М.: Аспект Пресс. 2019. – С. 326–341.
- Неклесса О. Осмислюючи майбутнє. Світ як незавершений проект. – Київ: Дух и Літера. Изд-во Національного університету «Киево-Могилянська академія». 2018. – 208 с.
- Неклесса А.И. Цивилизационные альтернативы Постсовременности. – Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной [ред. совет: А.В. Торкунов, А.В. Сморгун, В.Г. Барановский, А.И. Никитин [и др.]. Серия «Российская политическая наука. Истоки и перспективы». – М.: Изд. Аспект Пресс. 2016. – С. 165–200.
- Неклесса А.И. Битва за будущее: социальная вселенная переживает транзит в нестационарное состояние. – Арабский кризис: Угрозы большой войны / Под общ. ред. А.М. Васильева, отв. ред. А.Д. Саватеев, А.Р. Шишкина. – М.: URSS. 2016. – С. 259–285.
- Неклесса А.И. Цивилизационные альтернативы постсовременности. – Цивилизационные альтернативы Африки. Том I. Часть 1 / Отв. ред. Следзевский И.В. – М., Институт Африки РАН. 2016. – С. 15–47.
- Неклесса А.И. Политология будущего: Стругацкие: футур-текст и российский контекст. Анналы стругацковедения. 2014. – М.: Арканар: Людены. 2015. – С. 6–49.
- Неклесса А.И. Прыжок лягушки. Кризис мировидения / Научный совет РАН «История мировой культуры». – СИНЛА/ИНТЕЛПРОС. 2013. № 1 (18). – М.: Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации. – 44 с.
- Неклесса А.И. Кризис будущего. Наследие исихазма в постсовременном мире. / Научный совет РАН «История мировой культуры». – СИНЛА/ИНТЕЛПРОС. 2013. № 2 (19). – М.: Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации. – 36 с.
- Неклесса А.И. (научный руководитель). Россия XXI век. Проект «Время-Вперед-Центр». Создание эталонного пространства будущего. – М., 2009. – 48 с.
- Неклесса А.И. Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности. – Культура на рубеже XX-XXI веков: глобализационные процессы / Под ред. Н.А. Хренова – СПб: Нестор-История. 2009. – С. 188–243.
- Неклесса А.И. Конец цивилизации или Зигзаг истории? – Российская политическая наука. Т. 5. / Под общ. ред. А.И. Соловьева. – М.: РОССПЭН. 2008. – С. 562–583.
- Неклесса А.И. Мир индиго. Социокультурная и политическая мобильность в условиях цивилизационного транзита. – De futuro, или История будущего / Под ред. Д.А. Андреева, В.Б. Прозорова. – М.: Политический класс. АИРО-XX. 2008. – С. 205–254.

- Неклесса А.И. Мир индиго. Эпоха постмодерна и новый цивилизационный контекст. – М.: Научный эксперт. 2008. – 88 с.
- Неклесса А.И. Проблема неклассического оператора. – Принятие психологических решений как психологическая проблема. – М.: ЭТЦ. 2007. – С. 10-15.
- Неклесса А.И. Цивилизация смерти. – Эсхатологический сборник / Российская академия наук, Научный совет «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, Институт Африки РАН / Отв. ред. Андреев Д.А., Неклесса А.И., Прозоров В.Б. – СПб.: Алетейя. 2006. – С. 531–549.
- Неклесса А.И. Мировой Север и мировой Юг: новый цивилизационный контекст. – Граница. Рубеж. Переход. Социокультурное пограничье в глобальном и региональном аспектах / Серия «Цивилизационное измерение» т. II / Отв. ред. И.В. Следзевский. – М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН. 2005. – С. 9–31.
- Неклесса А.И. Инновационная Россия как политический проект и как стратегия развития. – Социология идеологии: Хрестоматия / Составитель В.Н. Кузнецов. – М.: Книга и бизнес. 2005. – С. 450–470.
- Неклесса А.И. Люди Воздуха, или Кто строит мир? – М.: Институт экономических стратегий. 2005. – 224 с.
- Неклесса А.И. Постиндустриальный класс. – М.: Клуб «Красная площадь». 2005. – 56 с.
- Неклесса О. Реконфигурация сучасного світу. – Економіка знань: виклики глобалізації та Україна / За заг. ред. А.П. Гальчинського, С.В. Львовчкіна, В.П. Семиноженка. – Київ: НІСД. 2004. – С. 216–243.
- Неклесса А.И. Постиндустриальный передел России. – Архэ: Культуротехнический альманах. Антрополитика / Под общ. ред. А. Попова, И. Проскуровской. – М.: Дельтаплан. 2004. – С. 88–105.
- Неклесса А.И. Трансмутация истории. Вступление в постсовременный мир. – Цивилизация. Восхождение и слом / Науч. совет «История мировой культуры» / Отв. ред. Э.В. Сайко. – М.: Наука. 2003. – С. 53–97.
- Неклесса А.И. Реконфигурация мира. – Россия в центрo-периферическом мироустройстве. Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Институт проблем глобализации / Составитель и отв. ред. Д.Ю. Глинский. – М.: Московское представительство Фонда Ф. Эберта. 2003. – С. 79–112.
- Неклесса А.И. Стратегия и современность. – М.: Университетская корпорация Школа культурной политики. 2003. – 40 с.
- Неклесса А.И. (автор ряда разделов). Глобальное сообщество: картография постсовременного мира. Рук. проекта, сост. и отв. ред. А.И. Неклесса; Московская школа геоэкономических и социальных исследований. – М.: Восточная литература. 2002. – 463 с.
- Неклесса А.И. Четвертый Рим. Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX века. – Российские стратегические исследования / Отв. ред. Л.Л. Фитуни. – М.: Логос. 2002. – С. 9–39.
- Неклесса А.И. Ordo Quadro – Пришествие постсовременного мира. – Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002. Т.1: Исследования. Раздел I: Современный мир: От bipolarности к глобализации. Хрестоматия: МГИМО (У) МИД России, Российская ассоциация международных исследований / Ред. кол.: Торкунов А.В. и др. Сост. Шаклеина Т.А. – М.: РОССПЭН. 2002. – С. 530–534.
- Неклесса О. Ordo Quadro – четвертый порядок: пришествя постсучасного світу. – Глобалізація. Регіоналізація. Регіональна політика. Хрестоматія з сучасної зарубіжної соціології регіонів / Укладачі І.Ф. Кононов (науковий редактор), Бородачов В.П., Топольськов Д.М. – Луганськ: Альма матер-Знання. 2002. – С. 26–48.

- Неклесса А.И. Глобализация: новый цивилизационный контекст / Клуб ученых «Глобальный мир». Доклады 2000–2001 гг. / Институт мировой экономики и международных отношений, Институт микроэкономики. – М.: Издательский дом «Новый век». 2002. – С. 50–85.
- Неклесса А.И. Глобализация: новый цивилизационный контекст. – Культура в эпоху цивилизационного слома / Материалы Международной научной конференции 12–14 марта 2001. – М.: Российская академия наук, Научный совет по истории мировой культуры. 2001. – С. 48–59.
- Неклесса А.И. Ordo quadro: пришествие постсовременного мира. – Мегатренды мирового развития. / Отв. ред. М.В. Ильин, В.Л. Иноземцев / Центр исследований постиндустриального общества. – М.: Экономика. 2001. – С. 127–151.
- Неклесса А.И. Конец эпохи Большого Модерна. – Постиндустриальный мир и Россия / Отв. ред. В.Г. Хорос, В.А. Красильщиков / Рос. Акад. Наук, Институт мировой экономики и международных отношений. – М.: Эдиториал УРСС. 2001. – С. 37–63.
- Неклесса А.И. Первая война XXI века. – Мир после 11 сентября: Сборник статей и документов / под ред. Примакова Е.М. («Мир после терактов в США: позиции России». Заседание Совета по внешней политике при Комитете ГД по международным делам (12 октября 2001 года). – М.: Совет по внешней политике, Комитет ГД РФ по международным делам. 2001. – С. 149–165.
- Неклесса А.И. (автор ряда разделов). Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Руководитель проекта и отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.1. – СПб.: Алетейа. 2000. – 320 с.
- Неклесса А.И. Конец эпохи Большого Модерна. – Миропорядок после Балканского кризиса: новые реальности меняющегося мира. / Материалы конференции. Москва, 1–2 ноября 1999 г. / Гл. ред. А.Н. Кулик / Межрегиональное общественное объединение участников научных, культурных и образовательных программ сотрудничества с США «Профессионалы за сотрудничество». – М.: Добросвет. 2000. – С. 48–67.
- Неклесса А.И. Россия в мировой экономике XXI века. Приоритеты и механизмы экономической политики России в кризисный период. / Научно-практическая конференция Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации / Секция «Россия в мировой экономике XXI века». – М.: 1999. – С. 172–185.
- Неклесса А.И. Россия в глобальной экономике: проблема самоопределения / Исследовательский проект «Загадка Евразии: Россия в формирующейся глобальной системе». – М.: Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-фонд). 1999. – С. 54–65.
- Neklessa A. The End of Civilization or the Clash of History. – Africa beyond 2000. / Symposium on the Development Perspective of Africa Towards the 21st Century. – Beijing: Institute of West Asian and African Studies Chinese Academy of Social Studies. 1999. – Pp. 141-156.
- Неклесса А.И. На пороге XXI века, как и две тысячи лет назад, человечество оказалось в ситуации нарастающей культурной растерянности. – Этнос глобального мира / Отв. ред. В.И. Толстых / Горбачев-фонд. – М.: Восточная литература РАН. 1999. – С. 30–38.
- Неклесса А.И. Конец цивилизации, или зигзаг истории. – Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия / Сборник 1. Общие проблемы постиндустриальной эпохи / Серия «Научные доклады», № 91. – М.: Московский общественный научный фонд; Институт мировой экономики и международных отношений РАН. 1999. – С. 31–74.
- Неклесса А.И. Эпилог истории, или модернизация versus ориентализация. – Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия / Сборник 2. Глобализация и Периферия / Серия «Научные доклады». № 92. – М.: Московский общественный научный фонд; Институт мировой экономики и международных отношений РАН. 1999. – С. 21–58.

- Неклесса А.И. «Российский проект» в системе мировых координат XXI века. – Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия / Сборник 3. Особый случай России / Серия «Научные доклады». № 93. – М.: Московский общественный научный фонд; Институт мировой экономики и международных отношений РАН. 1999. – С. 4–35.
- Неклесса А.И. Глава 4. Россия в системе геоэкономических координат XXI века. – Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Рук. авт. колл. Д.С. Львов. – М.: Экономика. 1999. – С. 187–212.
- Неклесса А.И. Россия в новой системе координат – цивилизационных, геоэкономических, геополитических. – Научный альманах «Цивилизации и культуры» № 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. – М.: Институт востоковедения РАН. 1996. – С. 56–72.
- Неклесса А.И. Глава VII. Многополярный мир и региональные сверхдержавы. – Национальная безопасность: в поисках приоритетов / Материалы совещаний аналитической группы при Совете Обороны Российской Федерации. Серия «Научные доклады». №62. – М.: Московский общественный научный фонд. 1998. – С. 298–305.
- Неклесса А.И. Глава IX. Россия в XXI веке. Стратегия развития. – Национальная безопасность: в поисках приоритетов / Материалы совещаний аналитической группы при Совете Обороны Российской Федерации. Серия «Научные доклады». №62. – М.: Московский общественный научный фонд. 1998. – С. 361–370.
- Неклесса А.И. Ответ России на вызов времени: стратегия технологической конверсии. – М.: Институт Африки РАН. 1997. – 64 с.
- Неклесса А.И. Россия в новой системе координат: цивилизационных, геоэкономических, геополитических. – М.: Институт Африки РАН. 1995. – 48 с.
- Неклесса А.И. Перспективы глобального развития и место Африки в Новом мире (социально-экономический аспект). – М.: Институт Африки РАН, 1995. – 48 с.
- Неклесса А.И. Пентамино: Россия и новый метарегиональный контекст. + Приложение. Схемы. – М.: Синергетическая лаборатория НПО СИНЛА. 1994. – 48 с. + 16 с.
- Неклесса А.И. Российско-африканские экономические связи в глобальном контексте: проблемы и тенденции. – М.: Институт Африки РАН. 1993. – 58 с.

Статьи в журналах

- Неклесса А.И. 2025. *Novum Verbum*. На каком языке говорит футур-история? – Метафизика. Научный журнал РУДН. № 3 (57). 2025. С. 98-105. DOI: 10.22363/2224-7580-2025-3-98-105.
- Неклесса А.И. 2024. Африканский транзит в региональном и глобальном контексте. – Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. Научно-аналитическое издание. № 2. С. 99–101. DOI: 10.18522/2949–0707.2024.2.99101.
- Неклесса А.И. 2024. Постколониальность как лейтмотив и ландшафт цивилизационного транзита. – Век глобализации. № 3 (51). С. 3–11. DOI: 10.30884/vglob/2024.03.01.
- Неклесса А.И. 2024. Разбитое окно Овертона. Цивилизационный транзит и постколониальность. – Общественные науки и современность. № 4. С. 19–39. DOI: 10.31857/S0869049924040023.
- Неклесса А.И. 2023. Шестидесятники как потенциальный субъект социальной префигурации. – Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. № 1. С. 65–69. DOI: 10.18522/2949–0707.2023.1.6569.
- Неклесса А.И. 2022. Постколониальность как фрактальный извод постсовременности: предмет, методология, прогноз. К 70-летию статьи Альфреда Соби «Три мира, одна планета». – Полис. Политические исследования. № 2. С. 130–144. DOI: 10.17976/jpps/2022.02.10.

- Неклесса А.И. 2022. Три глобуса Ойкумены. – Метафизика (Metaphysics). Научный журнал РУДН. № 3 (45). С. 161–171. DOI: 10.22363/2224–7580-2022-3-161-171.
- Неклесса А.И. 2022. Архитектура антропокосмоса или три глобуса Ойкумены. – Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. № 4. С. 53–65. DOI: 10.18522/2218–5518.2022.4.5365.
- Неклесса А.И. 2023. Цветущее разнообразие истории. – Стратегия России. № 4 (232). С. 69–74.
- Неклесса А.И. 2022. Три глобуса Ойкумены. – Стратегия России. № 11 (227). С. 67–76.
- Неклесса А.И. 2021. Постколониальность в глобальном и региональном измерениях – Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т. 21. № 1. С. 9–19. DOI: 10.22363/2313–0660–2021-21-1-9-19.
- Неклесса А.И. 2021. Метаморфозы цивилизационного транзита. Эволюционный марафон и социальная ментальность. – Метафизика (Metaphysics). Научный журнал РУДН. № 1. С. 31–40. DOI: 10.22363/2224–7580-2021-1-31-40.
- Неклесса А.И. 2021. Поезд в будущее: транзит современной цивилизации. – За горизонтами событий / Strategic Group Sofia. № 2. С. 62–71.
- Неклесса А.И. 2021. Цивилизация как процесс: мультиплицированные субъекты Постмодерна. – Полис. Политические исследования. № 5. С. 39–55. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.04.
- Неклесса А.И. 2021. Будущее, которое мы избираем. – Социодиггер. Том 2. Вып. 9 (14). Горизонты будущего. – ВЦИОМ. Октябрь — ноябрь. С. 152–154.
- Неклесса А.И. 2020. Приватизация будущего. Движение к новой семантике, концепции и практике мира. – Полис. Политические исследования. № 2. С. 153–166. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.11.
- Неклесса А.И. 2020. Афразийская зона нестабильности и проблемы российского стратегического планирования. – Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. № 2. С. 138–148. DOI: 10.31857/S086919080009062-5.
- Неклесса А.И. 2020. Глубинное образование. – Стратегия России. № 3 (195). С. 59–68.
- Неклесса А.И. 2020. Цивилизационный транзит: методологические и прогностические аспекты (анализ – прогноз – управление). – Экономическая наука современной России. № 4 (91). С. 132–146. DOI: 10.33293/1609–1442–2020–4(91).
- Неклесса А.И. 2020. Борьба за будущее. Методологические и прогностические аспекты цивилизационной конкуренции. – Век глобализации. Научно-теоретический журнал. № 4. С. 3–18. DOI: 10.30884/vglob/2020.04.01. EDN: BRKFPB .
- Неклесса А.И. 2020. Эволюционные стратегии цивилизации. – Relga. Научно-культурологический журнал. № 4 (372).
- Неклесса А.И. 2020. Мультиплицированный суверенитет. – Стратегия России. № 6 (198). С. 67–72.
- Неклесса А.И. 2020. Битва за будущее. – Стратегия России. № 9 (201). С. 55–62.
- Неклесса А.И. 2020. Поезд в будущее. – Стратегия России. № 12 (204). С. 63–74.
- Неклесса А.И. 2019. Коррозия будущего. – Стратегия России. № 1 (181). С. 45–54.
- Неклесса А.И. 2019. Мускулы войны и нервы мира: гибридная метаморфоза. Методологические и прогностические аспекты постсовременного общежития. – Полис. Политические исследования. № 4. С. 149–164. DOI: 10.17976/jpps/2019.04.11.
- Неклесса А.И. 2019. Встречный ветер цивилизации. – Стратегия России. № 7 (187). С. 61–68.

- Неклесса А.И. 2019. Суверенитет под жерновами утопии. – Стратегия России. № 5 (185). С. 37–50.
- Неклесса А.И. 2019. Живой огонь. – Стратегия России. № 9 (189). С. 57–64.
- Неклесса А.И. 2018. Кризис истории. Мир как незавершенный проект. – Полис. Политические исследования. № 1. С. 80–95. DOI: 10.17976/jpps/2018.01.06-9487.
- Неклесса А.И. 2018. «Исламское государство» как феномен государства-организации. От государства-утопии к постсовременному акционизму. – Метафизика (Metaphysics). Научный журнал РУДН. № 3 (29). С. 167–180.
- Неклесса А.И. 2018. Восстание личности. – Стратегия России. № 10 (178). С. 75–82.
- Неклесса А.И. 2017. Будущее, которое мы выбираем: кризис перехода, новые элиты, восточноевропейская реконструкция. – Focus. Информационно-аналитический и общественно-политический журнал. № 2. Июнь. С. 56–61.
- Неклесса А.И. 2016. Культиваторы будущего. – Актуальные проблемы экономики и права. №2 (38). С. 22–37.
- Неклесса А.И. 2016. Небесный Вавилон. Гибридный мир и сирийская комбинаторика. – Полис. Политические исследования № 3. С. 92–107.
- Неклесса А.И. 2016. Война и постсовременность: пространство комплексных операций (игил-сирийская комбинаторика). – Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 4. С. 6–15.
- Неклесса А.И. 2016. Война и постсовременность. – Экономические стратегии. № 5 (139). С. 112-119.
- Неклесса А.И. 2016. Гадкие лебеди. О гибридной войне, сложном мире и черных лебедях над Донбассом. – Стратегия России. № 7 (151). С. 47–56.
- Неклесса А.И. 2016. Гадкие лебеди. О гибридной войне, сложном мире и черных лебедях над Донбассом. – Стратегия России. № 8 (152). С. 53–62.
- Неклесса А.И. 2016. Нервы мира. Пространства комплексных операций. – Росконгресс. Специальное издание Петербургского международного экономического форума. Июнь. С. 82–85.
- Неклесса А.И., Ютанов Н.Ю. 2016. Война в сложном мире. Деструкция и порядок (интервью). – Стратегия России. № 10 (154). С. 35–50.
- Неклесса А.И. 2016. Франчайзинг будущего. – BuybrandInform. (ежегодное издание), С. 58-69. URL: <https://buybrand.ru/articles/11978/>
- Неклесса А.И. 2015. Мировой транзит: от критических технологий к сложной практике. – Актуальные проблемы экономики и права. Т. 9. № 1 (33). С. 93–107.
- Неклесса А.И. 2015. Окна в будущее: культура сложности и самоорганизации. – Полис. Политические исследования. № 1. С. 85–110. DOI: 10.17976/jpps/2015.01.08.
- Неклесса А.И. 2015. Сердце тьмы: травматическая инклюзия. – Актуальные проблемы экономики и права. Т. 9. № 2. С. 280–295.
- Неклесса А.И. 2015. Главы из книги земного бытия: «знание» и «со-знание» – Метафизика (Metaphysics). Научный журнал РУДН. № 4 (18). С. 71–83.
- Неклесса А.И. 2015. Гибридная война. Облик и палитра вооруженных конфликтов в XXI веке – Экономические стратегии. № 8. С. 78–85.
- Неклесса А.И. 2015. Разбитые прозорцы. – Memoria de Futuro Magazine (Памет за бъдещето). Издание за аналитична публицистика, политическа психология, геополитика,

антропология и религия. Ноябрь. София. URL:
<http://www.memoriabg.com/2015/11/26/razbitite-prozorci/>

- Неклесса А.И. 2015. Антропологическая империя. – Развитие и экономика. Научный и общественно-политический альманах. № 12. С. 198–219.
- Неклесса А.И. 2014. Преодоление Евразии (Геоэкономический этюд). – Полис. Политические исследования. № 3. С. 27–46. DOI:10.17976/jpps/2014.03.03.
- Неклесса А.И. 2014. Знать – значит быть. Образование как развитие. – Метафизика (Metaphysics). Научный журнал РУДН. № 4 (14). С. 11–24.
- Неклесса А.И. 2014. Тайные окна. – Экономические стратегии. № 5 (121). С. 94–101.
- Неклесса А.И. 2014. Политология будущего. Стругацкие: футур-текст и российский контекст. – Новый мир. Ежемесячный журнал художественной литературы и общественной мысли. № 7. С. 121–142.
- Неклесса А.И., Межуев В.Б., Черняховский С.Ф. 2014. Попытка бегства с Олимпа или Обитаемый остров Россия. – Развитие и экономика. Научный и общественно-политический альманах. № 9. С. 130–151.
- Неклесса А.И. 2014. Окна в будущее. Культура сложности и самоорганизации. – Развитие и экономика. Научный и общественно-политический альманах. № 10. С. 116–133.
- Неклесса А.И. 2014. Мир как сумма взаимодействий. Город – национальное государство – геокон – мир сообществ. – Развитие и экономика. Научный и общественно-политический альманах. № 11. С. 182–197.
- Неклесса А.И. 2013. Непрерывный плебисцит. Генетика гражданского общества. – Полис. Политические исследования. № 2. С. 24–39.
- Неклесса А.И. 2013. Кризис мировидения. Трансформация методологии познания и действия. – Полис. Политические исследования № 3. С. 6–29.
- Неклесса А.И. 2013. Преодоление Евразии. Заметки о борьбе за пространство и будущее. – Развитие и экономика. Научный и общественно-политический альманах. № 5 (март). С. 162–176.
- Неклесса А.И. 2013. Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности. – Развитие и экономика. Научный и общественно-политический альманах. № 6. С. 100–117.
- Неклесса А.И. 2013. Геоэкономическая формула мироустройства. – Развитие и экономика. Научный и общественно-политический альманах. № 7. С. 112–122.
- Неклесса А.И. 2013. Образование элиты. – Развитие и экономика. Научный и общественно-политический альманах. № 8. С. 174–189.
- Неклесса А.И. 2012. Будущее и грядущее: кризис современного мира. – Полис. Политические исследования. № 2. С. 70–84.
- Неклесса А.И. 2012. Трансмутация будущего. – Развитие и экономика. Научный и общественно-политический альманах. № 3. С. 10–33.
- Неклесса А.И. 2012. Северная Ромея. Пространства сложного диалога. – Полис. Политические исследования. № 5. С. 24–40.
- Неклесса А.И. 2011. Новое время и актуальная историческая ситуация. – Философско-религиозные тетради. Тетрадь № 2. С. 24–37.
- Неклесса А.И. 2011. Руският Бог. – Философски алтернативы. Институт за философски изследвания при БАН (Болгария). № 3. С. 58–62.
- Неклесса А.И. 2010. Окна в будущее: модели борьбы и самоорганизации (беседы первая и вторая). – Безопасность Евразии. № 2 (40). С. 167–197.

- Неклесса А.И. 2010. Трансфинитная экономика. – Экономические стратегии. Т. 12. № 3 (77). С. 18–25.
- Неклесса А.И. 2010. Борьба за будущее. – Вестник актуальных прогнозов. Россия: третье тысячелетие. № 23. С. 8–12.
- Неклесса А.И., Куклев В.М. 2009/2010. Проектирование большого будущего. – № Следующий шаг. № 9–10. Зима. С. 6–19.
- Неклесса А.И. 2008. Новый амбициозный план. Проекция и чертежи новой сборки мира. – Политический класс. № 1 (37). С. 91–108.
- Неклесса А.И. 2008. Номенклатурната държава: нейният възход и падение. – Философски алтернативи. Институт за философски изследвания при БАН (Болгария). № 5–6. С. 29–41.
- Неклесса А.И. 2007. Несъстоялата се революция. – Философски алтернативи. Институт за философски изследвания при БАН (Болгария). № 1. С. 58–64.
- Неклесса А.И. 2007. Активное представление будущего. – Российское экспертное обозрение. № 3. С. 43–47.
- Неклесса А.И. 2007. Современная Книга Перемен. Глокализация глобализации. – Политический класс. № 3 (27). С. 88–97.
- Неклесса А.И. 2007. Ценности, мислене, знание: генезис и динамика на формите. – Философски алтернативи. Институт за философски изследвания при БАН (Болгария). № 6. С. 5–14.
- Неклесса А.И. 2007. Новый амбициозный класс. Кто осуществит новую сборку мира. – Политический класс. № 9 (33). С. 32–46.
- Неклесса А.И. 2006. Культура смерти. – Азия и Африка сегодня. № 2 (583). С. 3–11.
- Неклесса А.И. 2006. Мечта и катастрофа: смена прописей мира. – Российское экспертное обозрение. № 3 (17). С. 52–55.
- Неклесса А.И. 2006. Геофон. Механика глобальной трансмутации. – Политический класс. № 12 (24). С. 36–47.
- Неклесса А.И., Цымбурский В.Л. 2006. Культура жизни. – Культура жизни: идеология добрососедства. Альманах клуба «Красная площадь». С. 28–32.
- Неклесса А.И. 2005. Интеллектуальная мобилизация. – ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. № 1. С. 90–94.
- Неклесса А.И. 2005. Локомотив Постмодерна, или «территория тьмы». – Свободная мысль. № 1. С. 4–20.
- Неклесса А.И. 2005. Култура на смъртта. – Философски алтернативи. Институт за философски изследвания при БАН (Болгария). № 3–4. С. 5–15.
- Неклесса А.И. 2005. Мир на пороге новой геокультурной катастрофы. – Политический класс. № 5. С. 62–70.
- Неклесса А.И. 2005. Камелот, или Интеллектуальная мобилизация. – Время искать. Иерусалим. № 12. С. 104–109.
- Неклесса А.И. 2004. Трансмутация на историята. 11 септември 2001 г. в историческа перспектива и ретроспектива. – Философски алтернативи. Институт за философски изследвания при БАН (Болгария). № 6. С. 40–58.
- Неклесса А.И. 2004. Конец цивилизации или зигзаг истории? – Космополис. МГИМО(У) МИД России. № 1. С. 114–130.
- Неклесса А.И. 2004. Управляемый хаос: движение к нестационарной системе мировых связей. – XXI ВЕК, журнал фонда «Нораванк» (Армения). № 3 (5). С. 133–151.

- Неклесса А.И. 2004. Глобальная трансформация: сущность, генезис, прогноз. – *Мировая экономика и международные отношения*. № 1. С. 116–123. DOI: 10.20542/0131-2227-2004-1-116-123.
- Неклесса А.И. 2004. «ЭКОЛАР»: стратегия экологической ориентации развития. Версия будущего планетарной экосистемы. – *Экология и жизнь*. № 4 (39). С. 3–9.
- Неклесса А.И. 2004. Революция корпораций. Капитализация: новое прочтение. – *Экономические стратегии*. № 5–6. С. 24–28.
- Неклесса А.И. 2004. Мир Игры, или четыре монолога о сценографии после современности. – *Знамя*. Литературно-художественный и общественно-политический журнал. № 11. С. 126–140.
- Неклесса А.И. 2003. Глобальный Град: творение и разрушение. Размышления об истории, о цивилизации и прогрессе. – *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. № 1. С. 136–155.
- Неклесса А.И. 2003. Глобальные вершины, локальные ущелья. – *Москва*. № 1. С. 14–17.
- Неклесса А.И. 2003. Трансграничье, его ландшафты и обитатели. Из беседы на берегу Телецкого озера. – *Москва*. № 2. С. 107–115.
- Неклесса А.И. 2003. Господин воздуха. – *Полис*. Политические исследования. № 3. С. 131–143.
- Неклесса А.И. 2003. Инновация и революция. – *Дружба народов*. Литературно-художественный и общественно-политический журнал. № 4. С. 129–140.
- Неклесса А.И. 2003. Логика глобальной трансформации. – *Москва*. № 5. С. 11–14.
- Неклесса А.И. 2003. Трансграничье, его ландшафты и обитатели. – *Россия и мусульманский мир / Институт научной информации по общественным наукам РАН*. № 5. С. 206–219.
- Неклесса А.И. 2003. Глобальный каталог. – *Москва*. № 7. С. 131–136.
- Неклесса А.И. 2002. Проект «Глобализация»: Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX века. – *Глобальные и стратегические исследования*. Центр глобальных и стратегических исследований Институт Африки РАН / Отв. ред. Л.Л. Фитуни. № 1. С. 7–36.
- Неклесса А.И. 2002. Момент истины. Заметки на полях постсовременной истории. – *Дружба народов*. Литературно-художественный и общественно-политический журнал. № 4. С. 126–137.
- Неклесса А.И. 2002. Внешняя политика нового мира: движение к нестандартной системе мировых связей. – *Pro et Contra*. Фонд Карнеги за международный мир (Carnegie Endowment for International Peace). Т. 7. № 4. С. 7–25.
- Неклесса А.И. 2002. Управляемый хаос: движение к нестационарной системе мировых отношений. – *Мировая экономика и международные отношения*. № 9. С. 103–112. DOI: 10.20542/0131-2227-2002-9-103-112.
- Неклесса А.И. 2002. Трансмутация истории. 11 сентября 2001 года в исторической перспективе и ретроспективе. – *Новый мир*. Ежемесячный журнал художественной литературы и общественной мысли. № 9. С. 143–159.
- Неклесса А.И. 2002. Наука и высшее образование в постсовременную эпоху. – *Высшее образование сегодня*. № 1. С. 34–38.
- Неклесса А.И. 2002. Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности. – *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. № 1. С. 121–143.
- Неклесса А.И. 2001. Глобализация: новый цивилизационный контекст. – *Безопасность Евразии*. № 1. С. 99–130.

- Неклесса А.И. 2001. Новая картография мира. – Экономические стратегии. № 1 (9). С. 32–41.
- Неклесса А.И. 2001. Российский проект в системе мировых координат XXI века. – Проблемы развития. № 1. С. 30–49.
- Неклесса А.И. 2001. A la carte. – Полис. Политические исследования. № 3. С. 34–46.
- Неклесса А.И. 2001. Трансмутация истории. – Вопросы философии. № 3. С. 58–71.
- Неклесса А.И. 2001. Глобальный Город: творение и разрушение. – Новый мир. Ежемесячный журнал художественной литературы и общественной мысли. № 3. С. 135–146.
- Неклесса А.И. 2001. Вступление в постсовременный мир III тысячелетия. Размышления об истории, о цивилизации и прогрессе. – Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 4. С. 156–167.
- Неклесса А.И. 2001. Преодоление афганского синдрома в Центральной Азии: моделирование безопасности. – Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 5. С. 153–157.
- Неклесса А.И. 2001. Первая война XXI века. – Экономические стратегии. № 5–6. С. 40–45.
- Неклесса А.И. 2001. Порог Нового мира. – Москва. № 10. С. 179–191.
- Неклесса А.И. 2000. Проект «Глобализация»: глобальные стратегии в преддверии новой эры. – Безопасность Евразии. № 1. С. 157–204.
- Неклесса А.И. 2000. Fin de Millennium, или Реквием XX веку. – Экономические стратегии. № 1. С. 13–17.
- Неклесса А.И. 2000. Конец эпохи Большого Модерна. – Знамя. Литературно-художественный и общественно-политический журнал. № 1. С. 175–187.
- Неклесса А.И. 2000. Реквием XX веку. – Мировая экономика и международные отношения. № 1. С. 3–13. DOI: 10.20542/0131-2227-2000-1-3-13.
- Неклесса А.И. 2000. Реквием XX веку. – Мировая экономика и международные отношения. № 2. С. 3–14. DOI: 10.20542/0131-2227-2000-2-3-14.
- Неклесса А.И. 2000. Осмысление Нового мира. – Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 4. С. 46–67.
- Неклесса А.И. 2000. Трансмутация истории и ментальность человека (вступление в постсовременный мир III тысячелетия). – Мир психологии. Научно-методический журнал. № 4 (24). С. 174–190.
- Неклесса А.И. 2000. Ordo Quadro: четвертый порядок. Пришествие постсовременного мира. – Полис. Политические исследования. № 6. С. 6–27.
- Неклесса А.И. 1999. Рах Есопотисана: геоэкономическая система мироустройства. – Экономическая наука современной России. № 1 (5). С. 71–89.
- Неклесса А.И. 1999. Конец цивилизации, или Конфликт истории. – Мировая экономика и международные отношения. № 5. С. 74–84. DOI: 10.20542/0131-2227-1999-5-74-84.
- Неклесса А.И. 1999. Творческий континент Россия. – Москва. № 8. С. 114–131.
- Неклесса А.И. 1999. Пакс Экономикана, или Эпилог истории. – Новый мир. Ежемесячный журнал художественной литературы и общественной мысли. № 9. С. 118–135.
- Неклесса А.И. 1999. Чай, кофе и судьбы цивилизации. – Российская Федерация сегодня. № 18. С. 55–58.
- Неклесса А.И. 1999. Мир на краю истории, или Глобализация-2. – Москва. № 4. С. 120–134.
- Неклесса А.И. 1999. Конец цивилизации, или Конфликт истории. – Мировая экономика и международные отношения. № 3. С. 32–38. DOI: 10.20542/0131-2227-1999-3-32-38.

- Неклесса А.И. 1998. Конец цивилизации, или Зигзаг истории. – Знамя. Литературно-художественный и общественно-политический журнал. № 1. С. 165–179.
- Неклесса А.И. 1999. Проект «Глобализация»: Глобальные стратегии в преддверии новой эры. – НАВИГУТ. Научный альманах высоких гуманитарных технологий. Приложение к журналу «Безопасность Евразии». №1. С. 100–145.
- Неклесса А.И. 1998. Российский проект. – Мировая экономика и международные отношения. № 6. С. 29–36. DOI: 10.20542/0131-2227-1998-6-29-36.
- Неклесса А.И. 1998. «Российский проект» в новой системе мировых координат XXI века. – Проблемы развития. № 1–2. С. 3–16.
- Неклесса А.И. 1998. Эпилог истории. – Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 5. С. 5–30.
- Неклесса А.И. 1997. Постсовременный мир в новой системе координат. – Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 2. С. 35–50.
- Неклесса А.И. 1997. Гипер-Север: стратегия научно-технологической конверсии. – Рубежи. № 3. С. 114–127.
- Неклесса А.И. 1997. Мир Модерна, Мир Нового времени подходит к своему логическому концу. – Рубежи. № 5. С. 3–39.
- Неклесса А.И. 1997. Африканская перестройка. – Азия и Африка сегодня. № 6 (479). С. 5–9.
- Неклесса А.И. 1997. Генезис и практика программ структурной перестройки. – Рубежи. № 7. С. 112–115.
- Неклесса А.И. 1997. Мир Постмодерна, Мир Игры ломает горизонт истории. – Рубежи № 8–9. С. 2–26.
- Неклесса А.И. 1997. Геоэкономическая безопасность России в современном мире. – Рубежи. № 10–11. С. 67–75.
- Неклесса А.И. 1996. Россия на пороге нового мира. – Рубежи. Научный и общественно-политический журнал. № 2 (8). С. 39–74.
- Неклесса А.И. 1996. Россия в новой системе координат: цивилизационных, геоэкономических, геополитических. – Цивилизации и культуры». Научный альманах ИВ РАН. Вып.3. «Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения». С. 56–72.
- Неклесса А.И. 1996. Геометрия экономики. – Мировая экономика и международные отношения. № 10. С. 70–83. DOI: 10.20542/0131-2227-1996-10-70-83
- Неклесса А.И. 1995. «Третий Рим» или «Третий мир»: глобальные сдвиги и национальная стратегия России. – Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 1. С. 5–19.
- Неклесса А.И. 1995. «ЭКОЛАР» – комплементарная стратегия развития для Африки и мира. – Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 5. С. 106–122.
- Неклесса А.И. 1995. Перспективы глобального развития и место Африки в Новом мире. – Мировая экономика и международные отношения. № 8. С. 90–103.
- Неклесса А.И. 1995. Контуры Нового мира и Россия. (Геоэкономический этюд). – Знамя. Литературно-художественный и общественно-политический журнал. № 11. С. 195–204.
- Неклесса А.И. 1995. Крах истории или контуры Нового мира? – Мировая экономика и международные отношения. № 12. С. 24–28 (Россия на скрещении мировых и локальных закономерностей: проблемы переходности. Круглый стол).

СЕРИЯ «СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ» (ДОКЛАДЫ КОМИССИИ)

- Неклесса А.И. Неопознанная культура / Рабочие материалы расширенного заседания Научного Совета по проблеме мировой культуры при Президиуме РАН с участием теоретических семинаров научных организаций г. Москвы. – М.: Российская академия наук, Научный совет по истории мировой культуры, 2001. 48 с.
- Неклесса А.И. Инновация и революция. Материалы экспертного семинара и проектной игры «Проектирование национальной инновационной системы» г. Санкт-Петербург 22–24 июня 2002 г. – СПб.: Школа инновационных менеджеров, 2002. 28 с.
- Неклесса А.И. Трансграничье, его ландшафты и обитатели. – Социокультурные проблемы глобализации № 1. – М.: Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации. 2002. 52 с.
- Неклесса А.И. Стратегическая матрица. – Социокультурные проблемы глобализации № 2. – М.: Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации. 2002. 32 с.
- Неклесса А.И. Господин воздуха. – Социокультурные проблемы глобализации № 3. – М.: Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации. 2003. 32 с.
- Неклесса А.И. Управляемый хаос – Социокультурные проблемы глобализации № 4. – М.: Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации. 2003. 40 с.
- Неклесса А.И. Механика глобальной трансформации – Социокультурные проблемы глобализации № 5. – М.: Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социокультурным проблемам глобализации. 2003. 36 с.
- Неклесса А.И. Амбициозная корпорация – Социокультурные проблемы глобализации № 6. – М.: Научный Совет РАН «История мировой культуры». Комиссия по социокультурным проблемам глобализации. 2003. 32 с.
- Неклесса А.И. Новая земля и новое небо – Социокультурные проблемы глобализации № 7. – М.: Научный Совет РАН «История мировой культуры». Комиссия по социокультурным проблемам глобализации. 2004. 48 с.
- Неклесса А.И. «Новый класс», или кто строит мир? – Социокультурные проблемы глобализации № 8. – М.: Научный Совет РАН «История мировой культуры». Комиссия по социокультурным проблемам глобализации. 2004. 44 с.
- Неклесса А.И. Трансмутация истории – Социокультурные проблемы глобализации № 9. – М.: Научный Совет РАН «История мировой культуры». Комиссия по социокультурным проблемам глобализации. 2008. 52 с.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВЫПУСКИ ЖУРНАЛА «ИНТЕЛПРОС – ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РОССИЯ»

Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН (серия Д) ISSN 2588–0438

- Неклесса А.И. Эволюция (Три глобуса Ойкумены). – ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. Спец. вып. 2023. 36 с.
- Неклесса А.И. Глобальная трансформация. – ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. Спец. вып. 2022. 80 с.
- Неклесса А.И. Поезд истории. – ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. Спец. вып. 2021. 36 с.
- Неклесса А.И. Цивилизационный транзит. – ИНТЕЛПРОС–Интеллектуальная Россия. Спец.вып. 2020. 36 с.
- Неклесса А.И. Эволюция истории. – ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. Спец. вып. 2019. 24 с.
- Неклесса А.И. Коррозия будущего. – ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. Спец. вып. 2018. 18 с.
- Неклесса А.И. Приватизация будущего. – ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. Спец. вып. 2018. 28 с.
- Неклесса А.И. Кризис будущего. – ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. Спец. вып. 2017. 24 с.
- Неклесса А.И. Созидание будущего. – ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия. Спец. вып. 2017. 28 с.
- Неклесса А.И. Гадкие лебеди. О гибридной войне, сложном мире и чёрных лебедях над Донбассом. – ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия, 2015. 24 с.

Александр Иванович Неклесса (Alexander Neklessa). Руководитель Группы «Север-Юг» (aka Лаборатория «Север-Юг») Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки Российской Академии наук (РАН). Председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. Руководитель экспертно-образовательного объединения «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия».

Действительный член российских отделений Международной академии исследований будущего (IFRA) и Международной лиги стратегического управления, оценки и учета (ILSMAA), а также Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М. В. Ломоносова. Член Международного редакционного совета (от России) журнала «Philosophical alternatives» («Философские альтернативы») Болгарской академии наук, Экспертного совета журнала «Экономические стратегии» (ИНЭС РАН). Руководитель семинара «Нексус» (ИНТЕЛПРОС – Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации РАН). Член Совета Школы эффективных коммуникаций «Репное».

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА» (АЦМИ), руководил межотраслевым центром «Геоэкономика», работал главным специалистом МВЭС РФ, старшим экспертом-консультантом Совета по внешнеэкономическим связям РФ, управляющим Службы стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, заместителем генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН, научным руководителем Департамента стратегического развития ОАО «ГАО ВВЦ», был членом Комитета по стратегическому развитию при Совете директоров ОАО «ГАО ВВЦ».

Являлся экспертом Центров стратегических исследований Приволжского и Северо-Западного федеральных округов, членом рабочей исследовательской группы по урегулированию кризисов в Центральной Азии Консорциума военных академий и институтов, изучающих безопасность (в рамках программы «Партнерство ради мира»), аналитической группы Совета Обороны РФ, экспертных советов по внешней политике (при Комитете по международным делам Государственной Думы ФС РФ) и по проблемам инновационной политики и развития человеческого потенциала (при Совете Федерации ФС РФ).

Руководил Московским интеллектуальным клубом «Красная площадь», теоретическим семинаром «Глобальное сообщество» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН), междисциплинарным семинаром «ΣΥΝΕΡΓΙΑ» (Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН). Вел авторскую аналитическую программу «Будущее» / FINAM FM (диплом Международной академии исследования будущего, 2009; лауреат Всероссийской премии в области общественно-политической проблематики «Власть № 4» / номинация «Лучший текст о будущем», 2011).

Автор около 700 публикаций (включая электронные) по проблемам политологии, экономики, истории. Научный руководитель / автор проектов СИНЛА / Глобальная трансформация (1984-1989), КАСКАД (1987), ЭКОЛАР (1988), ГЕОКОН (1991-1996), ГЛОБАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО (1997-2003), СОФИЯ (2003-2012), КАМЕЛОТ (2004), КП (2005-2006), СИНЕРГИЯ (2007-2010), ВВЦ-2 / ПАРК РОССИЯ (2009-2010), ФЕНИКС-К (2010), БОЛЬШАЯ ВОЛХОНКА (2011), РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ (2010-2012), ЛИК / ПАЙДЕЙЯ (2010-2014), ГИБРИДНЫЙ МИР (2015), СОЗИДАНИЕ БУДУЩЕГО (2016-2017), БОРЬБА ЗА БУДУЩЕЕ (2018-2020), ПОСТКОЛОНИАЛЬНОСТЬ (2020 – 2023), ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ТРАНЗИТ И ПОСТКОЛОНИАЛЬНОСТЬ (2024-2025), ИНТЕЛПРОС (2003 – по настоящее время).

Основные направления исследований: методологические и прогностические аспекты динамики социосистем (анализ-прогноз-управление); тенденции глобального развития (постколониальность и постсовременность); философия истории (феномен «будущего»).

<http://intelros.ru>

neklessa@intelros.ru